

**Елена Александровна Усачева
Екатерина Александровна Неволина
Ярослава Лазарева
Сердце демона (сборник)
Серия «Большая книга романов о любви для девочек»**

Текст предоставлен издательством
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=2898265
Сердце демона (сборник): Эксмо; М.; 2012
ISBN 978-5-699-49881-9

Аннотация

В сборник вошли три завораживающие истории любви, стирающей границы между волшебством и реальностью.

Неволина Е. «Мраморное сердце»

Рим заворожил Катю. Вечный город был необычным, потрясающим, волшебным! Неудивительно, что именно здесь девушка увидела ЕГО. И с первого взгляда влюбилась... в старинную статую, украшающую один из мостов. Прекрасный мраморный юноша казался живым, и все, о чем мечтала Катя, – это встретить его наяву. Однажды ее мечта осуществилась...

Усачева Е. «Зеркальный демон»

Настя отрабатывала летнюю практику в детском лагере. Она возилась со своим отрядом, организовывала праздники и мечтала понравиться старшему вожатому Вовке. Девушка и представить не могла, что уже завтра ее ждут пугающие, невероятные события и головокружительная любовь. Ведь сегодня Настя получила от умершей бабушки-ведьмы необычный подарок...

Лазарева Я. «Демон сакуры»

Конечно, Майя расстроилась, не пройдя по конкурсу в колледж искусств. Но именно эта неудача дала ей возможность принять необычное предложение отца. Он пригласил девушку к себе в гости, в Японию! И Майя отправилась в далекую загадочную страну, где встретила удивительного парня со странным цветом глаз. Она влюбилась без оглядки, словно не чувствуя опасности, которая исходила от нового знакомого...

Содержание

Екатерина Неволina	4
Заметка № 1	4
Заметка № 2	9
Заметка № 3	14
Заметка № 4	24
Заметка № 5	33
Заметка № 6	41
Конец ознакомительного фрагмента.	45

Екатерина Неволина

Сердце демона

Большая книга романтических историй о любви

Тому, кто рядом со мной

Екатерина Неволина

Мраморное сердце

Заметка № 1

Рим и еще раз Рим!

Едва выйдя из здания аэропорта и вдохнув теплый, едва пахнувший незнакомыми ароматами воздух, я подумала, что перенеслась из января прямиком в май.

– Италия, девчонки! Слышите – Италия! – воскликнула Наташка. – Вы хоть понимаете, где мы очутились? Вечный город Рим! Аве Цезарь!

Ее темные волосы растрепались, помада в уголке губ размазалась, однако янтарно-карие глаза сияли таким восторгом, что это искупало все. Наташка сейчас казалась красивой.

Проходящая мимо женщина, тащащая за собой огромный чемодан на колесиках, недоуменно оглянулась.

Мы со Светкой обменялись быстрыми взглядами. Наташка – самая восторженная из нас, Светка – самая практичная. А я – так себе, серединка на половинку. У меня и по психологическим тестам всегда выходит промежуточный результат.

Пока Светка пошла отмечать нас у встречающего гида, мы с Наташкой с любопытством оглядывались, обозревая окрестности.

– Знаешь, как называется этот аэропорт? Leonardo da Vinci! – сообщила с гордостью Наташка, хотя только слепой не разглядел бы огромные буквы названия аэропорта. – Здорово тут у них! С первых же шагов окунаешься в искусство!

Я скептически посмотрела на толпу, наводнившую аэропорт. Чемоданы, сумки, сумочки и сумищи, выражение на лицах – озабоченное или напряженное. Нет, поистине нужно быть Наташкой, чтобы углядеть в этом хоть какую-то красоту и романтику.

– Нам туда! – ткнула в направлении одного из припаркованных на стоянке автобусов вернувшаяся Светка.

Мы подошли к автобусу и положили в багажное отделение сумки, однако заходить пока что не стали: хотелось еще надышаться этим весенним воздухом. Очутиться в Риме после заснеженной промерзшей Москвы казалось настоящим чудом.

– Девочки, вы из моей группы? Садитесь в автобус, уже отъезжаем, – поторопила нас худощавая низенькая женщина.

Светка, как раз успевшая вытащить сигарету, с досадой смяла ее, и наша троица влезла в автобус.

Наверное, прежде всего стоит сказать несколько слов о нас.

Мы, все трое, учимся в лите на втором курсе. Лит – это, если кому интересно, Литературный институт имени Горького, а мы – не просто симпатичные девушки, а очеловеченное будущее русской литературы. Иногда, знакомясь с кем-нибудь, мы, чтобы позабавиться, просим угадать, кто из нас что пишет.

Глядя на Светку – хрупкую блондинку с небесно-голубыми глазами и одухотворенным лицом, легко заподозрить ее в склонности к поэзии или, на худой конец, фэнтези про изящных эльфиек и странствующих менестрелей. Однако ничуть не бывало! Светка пишет серьезные рассказы, многие из которых несут в себе яркий социальный подтекст. Последний из обсуждаемых на творческом семинаре Светкин рассказ про бомжа в метро был признан Семеном Петровичем – руководителем творческого семинара – самым реалистичным, актуальным и ярким из всех рассмотренных в это полугодие работ.

А вот Наташка, несмотря на весьма прозаическую внешность – небольшой рост, плотное телосложение, лишенные утонченного изящества черты лица, – как раз увлечена фэнтези и прочит себе будущее Толкиена или хотя бы Стефани Майер, проявляя завидное упорство и мужество в спорах с Семеном Петровичем, пытающимся направить ее на тернистый путь реализма.

У Светы есть молодой человек – серьезный, как ее рассказы, будущий экономист и банкир, уже сейчас готова поручиться, что весьма успешный.

Наташка пока без парня, но даже не потому, что нет никаких вариантов. Тут дело в высокой планке, по которой она меряет претендентов. Судя по всему, ее бойфренд должен быть красив, талантлив и успешен, как Джонни Депп, романтичен и влюблен, как герои Орlando Блума, а к тому же верен, заботлив, хорош в компании и прочая, прочая...

Ну вот, Светку и Наташку вы уже немного знаете. А я – Катя.

Описывать мою внешность не имеет особого смысла. Возьмите среднестатистическую москвичку лет девятнадцати-двадцати – и получите достоверный мой портрет. Не слишком высокая, среднего, ближе к худощавому, сложения (пятьдесят девять килограммов при росте метр шестьдесят восемь), среднерусые волосы, опять-таки, как вы догадываетесь, средней длины – чуть ниже плеч. Единственная отличительная деталь моей внешности – это глаза, меняющие цвет в зависимости от настроения; освещения; погодных условий – в диапазоне от темно-серого до пронзительно-синего. Светка, например, уверяет, что моментально и точно считывает мое настроение именно по глазам.

Теперь про творчество. Как говорит руководитель нашего семинара, приняли меня в лит от недобора – авансом. Под моим пером (читайте: на экране моего ноута) не расцветают пышным цветом повести и романы, более того, в моем поле не колосятся тучные рассказы, готовые в любой момент составить авторский сборник. Мой жанр – миниатюра. Совсем крохотный кусочек текста, чаще всего посвященный всего одной эмоции. Получая такую работу, Семен Петрович всякий раз укоризненно качает головой.

– Ну ты, Николаева, бумагу на вес золота ценишь, – вздыхает он, с разных сторон оглядывая полстранички принесенного мною в клювике текста, и вправду жалко выглядящие на фоне пухлых папочек, вмещающих творения моих одаренных сокурсников. – Написала – словно украла. Ну скажи, когда я от тебя полноценное произведение получу?

Полноценное – это страниц на десять, лучше на двадцать. Недостижимый для меня объем.

Я горько вздыхаю и виновато опускаю глаза к истоптанному ногами будущих литературных гениев полу.

Светка и Наташка тоже считают, что мне нужно писать больше и чаще. Вот поэтому вести путевые заметки поручено именно мне (что я и делаю, положив ноутбук на колени и изредка поглядывая в окно автобуса, из которого видны узкие улочки и зреющие на деревьях апельсины (надо посмотреть поближе – вдруг настоящие!)).

Но прежде чем приступить к перечислению красот благословенной Италии и вечного старого Рима, закончу собственную нелицеприятную характеристику.

С личной жизнью у меня также неопределенно. Да, есть парень, с которым мы встречаемся еще с одиннадцатого класса, но встречаемся так, вяленько. Примерно раз в месяц ходим куда-нибудь в кафе или в кино, посещаем дни рождения друг друга – вот и вся обязательная программа. Но меня она даже устраивает: парень у меня есть, поэтому на всякие глупые вопросы о личной жизни могу отвечать, совершенно не задумываясь, а с другой стороны – полная свобода и возможность в любой момент закрутить новый роман, если на пути вдруг попадется принц, не прельстившийся Светкиной красотой и не подходящий под Наташкины высокие требования. Думаю, мой парень Сашка относится ко мне примерно так же, хотя мы никогда не говорили с ним о чувствах, ограничиваясь обсуждением литературных и кинематографических достижений.

Последние строки я дописывала уже в номере, пока Света и Наташа глазели в окно, из которого открывался вид на древнеримские термы, принимали душ и переодевались перед вылазкой в город.

– Ну что, летописец эпохи, увлеклась? – окликнула меня Наташка, прикладывая к себе ярко-красное платье и романтическую голубую кофточку с пышными рукавами. – Скажи лучше, что из этого выбрать.

Я с сомнением посмотрела на подругу и пожала плечами:

– Что ни надевай, все равно курткой закроешь. Здесь, конечно, не Москва, но плюс семнадцать – еще и не лето.

– Надевай кофту и джинсы! – порекомендовала, высунувшись из ванной, Светка, закутанная в большое белое полотенце.

– Нет, платье все-таки романтичнее! – решила Наташка, откладывая кофточку в сторону.

– Вот всегда так! Зачем совета спрашивала, если все равно по-своему поступаешь? – занудствовала Светка.

– А разве не знаешь поговорку: спроси у женщины и сделай наоборот! – огрызнулась Наташка. – Ладно, девочки, одевайтесь уже, и пойдем.

Я тоже сбегала в ванную и натянула привычные джинсы и неброскую черную водолазку. Пусть не так ярко, зато практично и не холодно. Черные высокие ботинки из «Экко» и черная же кожаная куртка довершили мой наряд. На минуту мы, все трое, оказались перед одним зеркалом. Очень разные и вместе с тем дополняющие друг друга. Глядя на наши отражения, я успела привычно подумать, что не так красива, как Света, и не так ярка, как Наташа. В общем, серединка на половинку, что еще сказать.

– Ну, девочки, идем? – Света извлекла из сумки карту и путеводитель, благоразумно захваченные из Москвы. Насколько я ее знаю, у нее уже и маршрут составлен.

– Идем, – хором согласились мы с Наташкой.

Я чувствовала себя странно. Одновременно и спешила на свидание с городом, и хотела оттянуть минуту встречи, продлевая удовольствие – то, что бывает, когда только стоишь на пороге, предчувствуя и предвкушая. Такие мгновения порой стоят даже больше, чем само удовольствие.

Но вот стеклянные двери гостиницы уже позади, и мы идем по залитой солнцем улице.

Рим оказался необыкновенен: узкие улочки с невысокими домами, за которыми прятались причудливые соборы с витражами, бросавшими на пол яркие цветные блики; круглые площади с непременным фонтаном посередине; дома, где на двери красовались старинные гербы; апельсиновые деревья, на которых созревали ярко-оранжевые сочные плоды...

К счастью, отель, в котором остановилась наша группа, располагался почти в центре, неподалеку от железнодорожного вокзала, поэтому нам не потребовалось спускаться в метро. Света отлично ориентировалась на местности (и что бы мы с Наташкой без нее делали? Скорее всего, просто шли бы куда глаза глядят), и вскоре мы вышли к Колизею.

Эта махина действительно производила впечатление: высокие стены, пустые арочные глазницы... Нарушало идеальность картины только одно: туристы, которые, словно муравьи, так и толпились у стен древнего сооружения. Да, мы сами из таких, но все же мне стало неприятно смотреть на других любопытных, словно мы одни имели право прикоснуться к тайне. Только мы – и более никто.

Мы постояли немного у стен.

– Ах, девчонки, если бы вдруг очутиться там, в прошлом! – задумчиво проговорила Наташка, любовно поглаживая серый камень. – Как было бы здорово!

– Ты уверена? – скептически улыбнулась Светка. – Представь, кем бы нас посчитали в то время в нашей одежде да с нашим знанием древних обычаев.

– Ну вот, всегда ты все портишь, – надулась Наташка.

– Я не порчу. Я конкретизирую...

Сколько мы знакомы, Светка с Наташкой вечно спорят по любому поводу, зато, кажется, и дня не могут просуществовать друг без друга.

Я отвернулась, не слушая их привычной перепалки, и все смотрела на стены Колизея, словно нарисованные на фоне ярко-синего, необычайной глубины неба. Так красиво, что даже нереально. Совсем рядом с Колизеем лежали форумы, в античные времена сосредоточие культурной и общественной жизни. Неужели я действительно нахожусь здесь, в самом центре могущественной древней империи, и по этой земле когда-то шли Юлий Цезарь и Октавиан Август, маршировали победные римские легионы, и ветер раздувал короткие алые плащи, а солнце отражалось от начищенных рукояток мечей, где-то здесь играл на своей кифаре мнящий себя великим артистом рыжебородый матереубийца Нерон и шептали бескровными губами молитвы влекомые на страшную казнь первые христиане...

– Ну вот, опять ты не с нами!

Я вздрогнула и наконец обратила внимание на Светку, которая, похоже, уже некоторое время размахивала у меня перед лицом руками.

– Ну вот, – то ли пожаловалась, то ли просто констатировала печальный факт Светка, – у всех подруги как подруги, а у меня инопланетянки. Я тебя прощу, если только ты скажешь, что обдумывала замысел грандиозного романа.

Я с виноватым видом развела руками:

– Я бы сказала, но есть одна проблема... Я никогда не лгу!

– Светка, у нас в друзьях самый правдивый человек на земле! Сразу после барона Мюнхгаузена! – засмеялась Наташка.

Проголодавшись, мы купили по булочке, но тут же скормили свою добычу голубям, жадно набросившимся на вожделенные крошки. Это так здорово – кормить голубей перед зданием Римского сената!..

Мы бродили по Риму до самого вечера, и вскоре впечатления слились в один огромный запутанный клубок.

– Ну все, перейдем этот мост – и обратно. Надо еще успеть на ужин, – объявила Светка.

Мы ступили на мост, украшенный умело подсвеченными фигурами, и тут я замерла потому, что увидела Его.

Он стоял с обнаженным мечом в руке и перистыми ангельскими крыльями за спиной. Черты лица – правильные и удивительно гармоничные – дышали жизнью, а полураскрытые губы, казалось, вот-вот потревожит легкое дыхание.

Я видела Его ясно, каждую черточку, и понимала, что никогда в своей жизни не встречала никого столь же прекрасного. Завороженная, я шагнула к Нему и... рука коснулась обжигающе холодного камня.

Но при чем здесь камень, когда он – живой! Я же чувствую это! Сердце учащенно билось в груди, а я все вглядывалась в высеченное из мрамора лицо, словно надеясь на то, что Он взглянет на меня, а по губам вдруг скользнет улыбка.

– Катя, ну что с тобой опять!

Я молчала, вдруг почувствовав всю бесполезность слов.

– Кажется, она нашла свой идеал! Бедный Сашка! – засмеялась Наташа.

Я наконец взглянула на нее, чувствуя раздражение. При чем здесь Сашка! Разве можно сравнивать обычного московского парня с Ним! Если бы только Он был живой! Если бы только мне можно было смотреть на Него! Просто смотреть, не отрываясь, жадно впитывая каждое движение, каждый изгиб губ. Знать бы, как он улыбается и как хмурится, как спит и просыпается, как звучит его голос, какая у Него походка, манера говорить и двигаться...

– Ау, ты с нами?!

В горле запершило. И почему я не одна?

– И чем он тебе понравился? – продолжала Наташка. – Статуя как статуя. Таких в Риме, наверное, миллион. Ты перед каждой будешь так застревать? Я понимаю, если это бы был, скажем, Леголас... – закончила она мечтательным голосом.

– Вы обе маньячки! – покачала головой Света. – Лично я предпочитаю нормальных живых парней и... горячий ужин.

– Да, ужин оказался бы сейчас весьма кстати, – против обыкновения тут же согласилась Наташка. – Ну пойдем уже! Холодно и есть хочется!

Они взяли меня под руки с обеих сторон и повели прочь, словно маленькую девочку.

Уходя с моста, я оглянулась, чтобы еще раз посмотреть на Него, и мне вдруг показалось, что фигура едва заметно пошевелилась. Естественно, глупости, просто игра света.

...А в темном небе уже зажигались звезды и висела половинка луны, повернутая иначе, чем это бывает у нас.

Заметка № 2

Один лишь взгляд

Я села за ноут, чтобы написать о Риме, а между тем все равно пишу о Нем. Я все думаю, как Он стоит там на мосту, в темноте, когда над головой только звездное небо. Сколько Он уже там, прикованный к своему постаменту. Одинокий посреди заполненного туристами города. Если бы можно было обнять Его и вдохнуть частичку своего тепла... Если бы взять Его за руку и вдруг почувствовать ответную дрожь пальцев... Нет, этого никогда не будет. Он слишком совершенен, чтобы быть живым, а между нами – века и холод бездушного мрамора, тяжелой броней заковавшего Его сердце. Если бы можно было растопить весь этот лед, я заплатила бы высокую цену...

Нет, ерунда, пустые мечтания. Я же знаю, что этого никогда не случится.

Но если бы только...

Всю ночь мне снились странные сны. Я искала кого-то, блуждая по узким запутанным улочкам незнакомого города. Я бежала по булыжной мостовой, спотыкаясь и падая, но поднималась и снова упрямо стремилась куда-то. «Имя! Мне нужно позвать его по имени, и он обязательно откликнется!» – догадалась я, но вдруг с ужасом поняла, что не знаю его имени!

Я проснулась, чувствуя, что мои щеки мокры от слез. Когда я в последний раз плакала во сне? Уже и не помню, кажется, в прошлой жизни.

На часах было семь по итальянскому времени. Будильник заведен на половину восьмого. Я чувствовала, что не засну. Впрочем, спать полчаса не имело никакого смысла. Прислонившись к спинке кровати, я смотрела на окно. Через щели жалюзи пробивался свет. С улицы доносился шум: гул машин, звуки незнакомой речи... Сердце едва ощутимо саднило. Кажется, я схожу с ума. Влюбиться в статую – это надо было до такого додуматься! Никогда не подозревала в себе столь пылкого воображения. Я бы поняла, если бы на моем месте была Наташка, но я... Выходит, никогда не знаешь, какую подлянку можно ожидать от себя же!

А все же интересно, прообраз этой скульптуры – фантазия скульптора или живой человек, живший когда-то в этих краях?... Любопытно, кем он был и как его все-таки звали...

С утра нам предстояла поездка в Ватикан, единственная, заказанная нами через турфирму, – остальное время от отпущенной нам недели мы с подругами планировали развлекаться самостоятельно.

Мы быстро позавтракали и поехали. Признаюсь, ожидала от Ватикана чего-то большего. Вся эта позолота и густая фактурная живопись с обилием фигур и предметов подеивали на меня скорее угнетающе. Впрочем, вероятно, это мое личное восприятие, потому что Света и Наташа остались в восторге и еще долгое время обсуждали картину Страшного суда, увиденную в знаменитой Сикстинской капелле, я же из картины запомнила только огромные отвратительно-бугристые ляжки какого-то пророка.

В этот день я часто ловила себя на том, что надолго замирала, остановившись перед какой-нибудь картиной, но не видя при этом произведения искусства, перед которым стояла.

– Катя, ну сколько тебя можно ждать? – окликала нетерпеливая Наташка, которой хотелось бежать дальше в погоне за новыми впечатлениями. – И что тебе здесь понравилось? Фи, какой уродливый старик!

Вздвигнув, я приходила в себя и понимала, что действительно застыла перед портретом какого-то кардинала, похожего на лежалый сморщенный стручок фасоли.

– Э... Интересный ракурс, – выдавливала я из себя, чтобы совсем уж не упасть лицом в грязь.

– Какая-то ты сегодня странная, – добавила Светка, уже давно вглядывающаяся в мое лицо. – И глаза такие синие, опасные. Не влюбилась ли ты часом?

– Ага! Во вчерашнюю статую! – хихикнула Наташка.

А я почувствовала, что краснею, и сердито отвернулась. Вот еще глупости! Расскажи кому-нибудь – ведь не поверят!

Наваждение. Это только наваждение, а может, еще опасный воздух Рима, дохнувший мне в лицо весной.

После посещения Ватикана у нас была обзорная экскурсия по городу, напоминавшая, на мой взгляд, скорее занятия по спортивной подготовке. Ее суть – преследование гида в условиях труднопроходимых из-за обилия людей римских улиц. Пока шла экскурсия, я все надеялась, что мы будем пересекать тот самый мост и я снова увижу Его. Но напрасно. Церковь; Пантеон, посвященный древним языческим богам; форумы и уже знакомый нам Колизей – вот и вся программа-минимум. Набегавшаяся за утро (от нас) гид с явным облегчением распрощалась с группой и отбыла. А мы оказались предоставлены сами себе.

Первым делом мы пошли искать место, где бы пообедать, и, свернув с центральной улицы, оказались в небольшом переулке, где обнаружилась приятная пиццерия. Взяли пиццу, капучино и сели за столик у окна.

– Ну вот, девчонки, сейчас оглашу дальнейшую программу, – объявила Светка, одной рукой держась за чашку с кофе, другой листая путеводитель. – Во-первых, нам все-таки надо попасть внутрь Колизея. Быть в Риме и не посетить Колизей – нонсенс. Во-вторых, направимся на Капитолийский холм. Именно с него начинался Рим. Помните же эту историю про Ромула и Рема, воспитанных волчицей и решивших построить новый город?..

Мы с Наташкой утвердительно промычали в ответ.

– Кстати, Капитолийские музеи – место, в котором определенно нужно побывать, – продолжала Света, не поднимая головы от книжки. – «Один из самых значительных музейных комплексов Рима берет свое начало в тысяча четыреста семьдесят первом году. Капитолийские музеи расположены на площади Капитолия в стоящих друг напротив друга зеркально-симметричных зданиях. Обширная коллекция состоит из произведений искусства Древнего Рима, непревзойденных работ скульптора Бернини, художника Караваджо. Открыт с девяти ноль-ноль до девятнадцати ноль-ноль. Выходной день – понедельник», – зачитала она. – Ну что, идем?

– Ну... – Наташка с блаженным выражением лица откусила кусок пиццы. – А что, если не идти в музей? Может, просто по улицам побродим?

Она в поисках поддержки посмотрела на меня, но Светку не так легко сбить с толку.

– Мы уже вчера просто так гуляли! – возразила она. – Это же позор: побывать в Риме и не посетить самые значимые места! В нашем распоряжении неделя, два дня из которой мы уже профукали!

– Не то чтобы совсем профукали! – возразила я, чувствуя, что отчего-то начинаю злиться. – Я, например, тоже за то, чтобы просто побродить по городу.

Подруга внимательно посмотрела на меня.

– Так и скажи, что снова хочешь на тот мост. И что, будешь целый день стоять там, пялясь на ту статую? – спросила она голосом, в котором уже явно слышались металлические нотки.

Терпение мое почти безгранично и непоколебимо, но иногда и оно дает трещину, и тогда рассыпается уже все, причем с таким звоном и скрежетом, что мало не покажется!

– Да, хочется! – рывкнула я, приподнимаясь со стула. – И это лучше, между прочим, чем для галочки шляться по популярным достопримечательностям!

Лицо Светки покраснело. Она тоже приподнялась со своего места.

– Ах вот ты, значит, как думаешь!..

Наташка, растерянно переводя взгляд со Светки на меня, попыталась вклинить между нами:

– Девочки, ну зачем же ссориться из-за пустяков!..

– Не вмешивайся! – велели мы ей одновременно и замолчали, глядя друг на друга. Между нами был круглый стол, уставленный еще не унесенными подносами с остатками пиццы, и воздух, вдруг сгустившийся до состояния камня. Какое-то краткое, едва уловимое мгновение – и мы вдруг стали врагами.

– Ты сухарь и формалистка! – сказала я, глядя Свете в глаза.

– Ты неудачница! – парировала удар та.

– Девочки! Не надо! – Наташка умоляюще сложила на груди руки.

А меня вдруг и вовсе понесло. Отодвинув свой поднос, я схватила сумку и, бросив сквозь зубы: «Пойду прогуляюсь», вышла из кафе.

Кажется, кто-то пытался меня окликнуть, но я была слишком зла. Не оглядываясь, я выскочила на центральную улицу и скоро затерялась в толпе прохожих.

На сердце было пусто, в голове – ни единой мысли. Я шла и шла. Улицы, как реки, вливались одна в другую, рисуя на ладонях города причудливый узор. Они словно вели меня куда-то, словно среди этих улиц была моя собственная линия судьбы... линия жизни... линия любви.

Говорят, что случайностей не бывает. И я вдруг отчетливо поняла это – в тот момент, когда вышла к знакомому мосту.

Я не помнила дороги и сама ни за что не нашла бы это место даже с помощью карты, но сейчас улицы сами привели меня сюда.

Он стоял, как и прежде, равнодушно-прекрасный. Нет, при свете дня Он показался мне еще более красивым, чем тогда, ночью, и еще более живым. Эта чуть изогнутая линия губ и непокорные волосы, что того и гляди упадут на упрямый лоб, перечеркнув его косой прядью...

– Привет! – сказала я Ему, и Он едва заметно улыбнулся...

Не знаю, сколько я простояла на мосту. Наверное, долго. Потому что, придя в себя, поняла, что ужасно замерзла – от воды тянуло холодом, все-таки зима, хоть и плюс семнадцать... Вечерело, кое-где уже зажглись фонари, бледными пятнами желтевшие в легких сумерках.

Прохожих было мало, только случайные люди, а я вдруг осознала, что не представляю, куда мне идти. Совсем не знаю даже то, в какую сторону...

«Положусь на удачу. Она уже помогла мне сегодня», – подумала я, пожалев, что поссорилась с девочками. Интересно, кстати, где они, что делают, ищут ли меня или, забыв обо мне, ходят по парадным залам Капитолийского музея, наслаждаясь выставленными там раритетами.

Куртка мало спасала от холода. Я застегнула ее и глубоко засунула руки в карманы, но все равно дрожь не унималась. Я шла по улицам, но теперь они из друзей вдруг превратились во врагов. Местность была совершенно незнакома. Топографический кретинизм – вот моя беда! Как сейчас пригодились бы аналитический ум и наблюдательность Светки!

– Excuse me! I lose my way!¹ – обратилась я к темноволосому мужчине, но тот пробормотал что-то по-итальянски, очевидно, не поняв меня, и зашагал дальше.

У кого же спросить?

– Ты заблудилась, – произнес вдруг за моей спиной мужской голос – густой и тягучий, как мед, с легким незнакомым мне акцентом. Я никогда не слышала такого красивого и завораживающего тембра.

¹ Извините, я потерялась! (англ.)

Мне даже не хотелось оборачиваться, чтобы не разрушать очарование. Не переживу, если обладатель волшебного голоса – толстый лысый коротышка! А ведь так наверняка и есть. Совершенства не бывает.

Медленно, словно во сне, я оглянулась и почувствовала себя так, словно мне в грудь ударила молния.

Передо мной стоял парень лет, возможно, двадцати, впрочем, я бы не взялась угадывать его возраст – с полудлинными, по плечи, волосами, правильными чертами лица и причудливым изгибом тонко очерченных губ. Но самое главное заключалось в том, что *я его узнала!*

Это он был там, на мосту! Это ему я говорила сегодня «привет». Это он являлся мне во сне. Такого впечатляющего сходства мне не доводилось видеть еще ни разу! Словно сейчас передо мной появилась ожившая статуя.

Чушь! Чепуха! Такого быть не может! Я сплю!

Мысли кометами мелькали во мраке, в который вдруг погрузилось мое сознание, – такие далекие и чужие.

Не может быть! Собравшись с силами, я ущипнула себя за руку, надеясь проснуться. Но нет. Незнакомец по-прежнему стоял передо мной, глядя доброжелательно и немного весело.

– Вы... ты говоришь по-русски, – ляпнула я первое, что пришло мне в голову. Язык едва слушался меня, словно это я была вырезанной из камня статуей.

А!.. Наконец нашла различие! У парня не было перистых крыльев, как у его двойника на мосту! Честно говоря, я бы сейчас и наличию крыльев не слишком-то удивилась.

Парень улыбнулся. У него действительно оказалась завораживающе красивая улыбка. Как раз такая, как я воображала, глядя на его мраморного двойника.

– Мне приходилось бывать в России. Я немного говорю по-русски. Извини, если не слишком чисто, – произнес он.

– Нет, ты хорошо говоришь...

Я смотрела в его глаза – серо-зеленые, оливкового цвета, и чувствовала, что голова плывет, а я впадаю в какое-то странное бредово-восторженное состояние. И почему я решила, что чудес не бывает? Бывает! Вот же оно – чудо! На расстоянии вытянутой руки! И я никогда и ни за что не прощу себе, если упущу его, если дам ему уйти! Ну двойник! Так случается! Я же слышала, что бывают люди, похожие друг на друга, словно две капли воды. Моей маме рассказывали как-то, будто встретили ее в Сочи, поздоровались с ней, а она, мол, посмотрела удивленно и ничего не ответила. Главное в этой истории то, что мама никогда не ездила в Сочи! Вот и сейчас почти что такой случай. Наверняка жил когда-то много веков назад человек, послуживший прототипом той статуи на мосту, а встреченный мной парень просто похож на него. Может, он даже его дальний-дальний потомок. Хромосомы, гены – и никакой тебе мистики!

– Ты куда-нибудь спешишь? – спросил тем временем он.

– Нет...

Я смотрела на него глазами преданной собаки и понимала, что если бы даже спешила куда-либо, это не имело бы абсолютно никакого значения. Ничего на свете не имело никакого значения, кроме его глаз, кроме его губ...

– Это хорошо. Возможно, ты не откажешься прогуляться со мной? Я покажу тебе настоящий Рим. А потом мы посидим в кафе, где подают настоящее итальянское мороженое, не то, что на улицах. Быть в Риме и не попробовать мороженого – это преступление!

Я кивнула, готовая согласиться на все. Если бы он пригласил меня на аутодафе, я бы, наверное, и то пошла, даже не задумавшись. А тут – в кафе!..

Мы шли с ним рядом. Я едва могла дышать от острого, упоительного счастья. Раньше я и не догадывалась, что счастье – это тоже больно. Я шла совсем рядом, касаясь его плеча. Мне, наверное, впервые в жизни было все равно, что обо мне подумают прохожие.

Помню, когда мы гуляли с Сашкой по Москве, тот вечно пытался обнять и поцеловать меня в каком-нибудь людном месте. Я смеялась и отстранялась, чувствуя неприятную неловкость. А теперь никакой неловкости не было. Ни малейшей. Если бы только...

Парень, словно прочтя мои мысли, взял меня за руку. Хотя что уж там мысли читать – по мне и так все видно. Как я на него пялилась! И теперь... О боже! А что, если он считает меня приставучей уродиной?! Я скосила на него глаза, и он ответил мне теплым взглядом. Нет, глядя так, он не может думать обо мне плохо! С плеч словно свалился тяжелый груз.

А потом он и вправду наклонился и коснулся моих губ своими. Совсем легкое прикосновение, но я вздрогнула от неожиданного пронзительного чувства. Сладость и вместе с тем странная горечь. Именно в этот момент я поняла, что все уже не будет таким, как раньше, что я сама стала другой.

И я, забыв о своей прежней сдержанности, потянулась к нему. Условности, люди – все было забыто, все потеряло свое значение. Я и он. Только это единственно важно и единственно правильно.

Этот поцелуй я не забуду никогда. Соприкосновение губ перестало быть просто прикосновением губ к губам, языка к языку. Он словно целовал мою душу. Мы были одним целым, и мне казалось до смешного странным, что столько лет я жила, не зная этого человека, не ощущая удивительного чувства общности и родства. Без него я казалась себе неполноценным инвалидом.

Мы гуляли по вечернему Риму, целуясь на каждом перекрестке, на каждом мосту. Это было изумительно, великолепно! Город сиял такими яркими красками, каких я не видела еще никогда в жизни. Губы болели от поцелуев, все тело было полно такого счастья, что оно буквально распирало меня. Не знаю, как сердце не разорвалось в тот момент.

И вот мы уже, сидя в кафе, едим мороженое. Действительно, очень вкусное. Не такое, как в Москве. За темным стеклом – огни чужого города, и все же я чувствую себя так, словно нахожусь дома. И все оттого, что он рядом.

Официантка, приносившая мороженое, произнесла что-то по-итальянски. Мой спутник ответил ей и улыбнулся.

– Что она сказала? – спросила я с тревогой, испытывая ревность оттого, что он говорит с кем-то, кроме меня.

– Она отметила, что мы – красивая пара, – ответил он, но я все равно выцеливала темноволосую девушку ревнивым взглядом, стоило ей только появиться в зале. Это был крупнокалиберный взгляд, и, если бы взгляды могли убивать, я не дала бы за ее жизнь и мелкой монеты.

– Ну вот, уже поздно. Давай я провожу тебя до гостиницы, – предложил мой спутник, когда мы вышли из кафе.

Я кивнула, не решаясь спросить. Меня вдруг охватил ужас. Что, если все происходящее – мой бред, и, стоит нам расстаться, мы больше никогда не встретимся!

– Я приду за тобой завтра. Не бойся, – сказал он, и я сразу поверила и успокоилась.

Он с самого первого мгновения стал для меня всем.

Мы уже подходили к гостинице, когда наперерез нам метнулись две тени.

– Катя! Что же ты творишь! Мы тебя целый день искали!

Наташка со Светкой, налетев на меня ураганом, принялись трясти меня.

– Где ты была? Кто это с тобой?

Я посмотрела на своего спутника с блаженной улыбкой и вдруг осознала, что забыла спросить имя у парня, с которым целовалась! Ниже, казалось бы, пасть уже невозможно, но я отчего-то не почувствовала даже смущения.

– Меня зовут Дис, – представился мой спутник.

Заметка № 3

Чтобы родилось что-то новое, что-то старое должно погибнуть

Есть люди, которым, очевидно, мешает чужое счастье. И, как ни горько осознавать, Светка, которую я считала своей подругой, из таких.

– Дис? Как приятно. И где же вы с Катей познакомились? – спрашивала она, глядя на него так, словно была следователем, допрашивающим особо опасного преступника.

Дис, ничуть не обижаясь, улыбнулся:

– На улице. Катя заблудилась.

– И тут – вы. Как вовремя! И по-русски говорите.

– Свет! – Наташка дернула подругу за рукав, шокированная ее странным поведением.

– Катя, ты хоть понимаешь, что мы волновались, – снова набросилась Светка на меня. – Я понимаю, что вам, – быстрый и весьма недружелюбный взгляд в сторону Диска, – было вдвоем весело. Однако как ты могла поступить таким образом с нами?!

– Свет, ну всякое бывает, – вступилась за меня Наташка.

Она поглядывала в сторону Диска с явной заинтересованностью, и он мило улыбался ей в ответ!

Чувствуя, что внутри все закипает, я притворно зевнула.

– День был долгий. Кто как, а лично я – спать! – произнесла я, чувствуя себя актрисой из погорелого театра. – Дис, увидимся завтра, как договаривались.

– В десять, – он опалил меня взглядом, в котором были сила и нежность, и я почувствовала, что снова таю: так на меня никто и никогда не смотрел.

У стеклянной двери отеля я оглянулась, чтобы взглянуть на него еще раз. Он стоял, небрежно отставив ногу и засунув руки в карманы куртки, а за его спиной чернели тени, вновь напомнившие мне о крыльях. Его неподвижная фигура показалась высеченной из камня, и на миг я испугалась, подумав, а живой ли он. Но тут Дис, словно для того, чтобы успокоить меня, пошевелился и приложил руку к груди. Этот жест, который теоретически мог показаться пошлым и глупым, в его исполнении выглядел пронзительным и вместе с тем величественным. Наверное, я не выдержала бы и бросилась обратно к нему, но Светка втащила меня в холл. Двери за спиной сошлись.

– Какой симпатичный! Повезло же тебе! – вздохнула Наташка, когда мы поднимались к себе на второй этаж.

– А вам не кажется, что он на кого-то похож? – спросила Света ледяным голосом.

– Ой, и точно! – Наташа наморщила нос, пытаясь вспомнить. – Он актер? Мы видели его по телевизору?

– Нет. Вчера. На мосту, – бросила Светка, выходя из лифта.

– А ведь точно! Катя, он ведь и вправду совсем как вчерашний ангел!

– Дис... Что значит «Дис»? Это сокращение от какого-то имени? Как его зовут? – продолжала настаивать Светка.

Я пожала плечами:

– Может, Денис?

– Не может, – отрезала подруга. – Денис – русское имя.

– Тогда Дионис, Диксон или что-то в том же роде, – я совсем не понимала, куда она клонит.

– То есть ты не знаешь его полного имени?

Я поморщилась:

– А ты у всех, с кем знакомишься на улице, сразу же требуешь паспорт?

– Я не знакожусь на улице.

И я не знакомилась. Раньше, когда формальности еще казались мне важными.

Как неудачно, что девчонки увидели нас вместе! Дис был моей тайной. Только моей, и мне не нравилось, что ее касались чужие руки. И по какому праву подруги считают себя экспертами в области отношений и под предлогом беспокойства о тебе берутся судить о твоей личной жизни, решая, кто тебе подходит, а кто нет.

– Честно сказать, мне не нравится история с этим знакомством. К тому же Дис так похож на статую, которую мы видели вчера. Точная копия. Странное совпадение, не правда ли? – Светка повернулась ко мне, уставившись мне в глаза.

Этот допрос ужасно раздражал, но я подумала о Дисе, и это сразу придало мне сил и уверенности.

– И на что ты намекаешь? – спросила я равнодушно. – Может, на то, что Дис – это ожившая статуя? Или на то, что итальянская шпионская организация подослала ко мне своего загримированного агента, чтобы наконец вызнать великую тайну загадочной русской души? По-моему, при таком ходе мыслей наш руководитель семинара скоро лишится едва ли не последнего оплота серьезности и реализма в нашей группе!

Светка молча открыла дверь в номер.

– Я не знаю, мне просто отчего-то все это очень не нравится, – сказала она, когда я уже перестала ждать от нее ответа.

Я опять пожала плечами – эта неопределенность была очень убедительна – и отправилась в ванную. Встав под теплую струю воды и вылив на мочалку любимый гель – апельсин и корица, – я закрыла глаза. События дня разворачивались передо мной причудливой лентой. Неужели все это действительно было? Мысли кружились в голове, как медлительные, одуревшие от жары пчелы.

Дис! Это имя впечаталось в сердце, заставляя его то замирать, то взволнованно биться. Есть легенда про то, как давным-давно гениальный скульптор Пигмалион изваял прекрасную статую и назвал ее Галатеей. И случилось так, что мастер влюбился в свое творение и взмолился богам, прося оживить девушку, и те, сжалившись над ним, исполнили эту просьбу. Что, если боги вняли и моим мольбам?

Я открыла глаза, выключила воду и вытерла ладонями с лица капли.

Какая же ерунда лезет в голову! Разумеется, этого быть не может. Кто в мое время верит в ожившие статуи? Со времен изобретения компьютера и первых космических полетов на земле почти не осталось чудес.

Зеркало в ванной затуманилось, и из него на меня глядела таинственная незнакомка, едва различимая в мозаике мелких капель.

– Дис – это Дис, и только, – сказала я ей. – Этого достаточно, нечего придумывать всякие глупости. Нечего загадывать, что случится завтра, – если сегодня мне представилась возможность быть счастливой, я не стану омрачать ее ничем.

Завернувшись в пушистое белое полотенце, я вернулась в комнату.

Подруги сидели на Наташкиной кровати и при моем появлении смолкли так внезапно, что не нужно было иметь семь пядей во лбу, чтобы догадаться: они говорили обо мне. И о Дисе.

– Кать... – начала Наташка. – Мы все-таки думаем, кто он и откуда взялся...

Я остановилась прямо напротив них и сложила руки на груди. С мокрых волос капало, нарушая торжественную строгость облика, ну да ладно.

– Я не хочу, чтобы вы вмешивались в мою частную жизнь. Понятно? Вопросы? Возражения? – четко проговорила я.

Наташка со Светкой переглянулись.

– Ну хорошо. Мы поняли, не сердись, – Светка улыбнулась и виновато развела руками. – Мы просто волнуемся за тебя. Но раз все в порядке – вот и отлично. Садись к нам, мы как раз фотки первого дня смотрим.

– Там есть несколько очень милых твоих фотографий, – добавила Наташка.

Обе столь явно пытались наладить со мной контакт, что я улыбнулась и сдалась. Спустя некоторое время мы уже смотрели снимки, смеялись и болтали о чем-то несущественном, но забавном.

Завтракали мы вместе. Намазывая на булочку масло, я вдруг поняла, что не могу есть. Моими мыслями опять завладел Дис. Даже странно, как я умудрилась забыть о нем вчера, заболтавшись с подругами?..

Светка и Наташка заметили мое состояние и держались со мной как с тяжелобольной или свихнувшейся, стараясь не задевать меня. Наташка побежала мне за кофе, а Светка пригостила кусок сладкого пирога. Между прочим, совершенно напрасно, потому что аппетита у меня не было, я не осилила даже булочку.

Стрелка медленно подползала к десяти. Еще целых двадцать минут до назначенного часа, но терпения уже не оставалось.

– Я пойду, а то меня ждут, – пробормотала я, отставляя недопитый кофе.

Подруги кивнули, глядя на меня так, словно я собиралась не на прогулку, а на эшафот, причем по собственной воле. Не понимаю, отчего они так невзлюбили Дису. Наверно, виной всему зависть. Кто бы подумал, что именно мне, к тому же сразу после приезда в Рим, удастся познакомиться с самым красивым в мире парнем.

Забежав в номер, я схватила куртку, подкрасила губы и внимательно посмотрела на себя в зеркало. Счастье определенно шло мне – глаза возбужденно блестели и были ясно-синими, как никогда, а на щеках лежал легкий румянец. Не помню, чтобы прежде была так хороша! От удовольствия и предчувствия грядущей встречи я рассмеялась.

Я провела у зеркала от силы минуты две. Терять время, любуясь собой, не было моей привычкой. И вот я уже внизу, в холле.

Дис ждал меня, небрежно облокотившись о стойку ресепшен, – такой красивый и элегантный, что глаза мои совершенно по-глупому затуманились слезами. Можете сколько угодно считать меня хоть эмо, хоть истеричкой, но иногда в особенно пронзительные моменты мне хочется плакать.

– Привет, – Дис улыбнулся мне.

Только мне. Его улыбка окутала меня теплом. Как же он похож на ту статую с моста! И вместе с тем еще лучше, еще совершенней. Глядя на статую, я не представляла, что этот каменный ангел может носить джинсы и куртку и выглядеть очень стильно и современно, а именно так выглядел Дис, несмотря на всю похожесть на своего мраморного двойника.

– Привет! – ответила я, и он губами коснулся моих губ.

Сердце подскочило к горлу, а затем рухнуло вниз.

– Как же хорошо, что мы с тобой встретились! – сказала я, как всегда в его обществе забывая о всяких приличиях.

– Да, хорошо.

Он взял меня за руку и повел к выходу. Вдруг в стеклянные двери вошел пожилой человек в темном плаще, видимо итальянец, с копной волос, уже тронутых сединой.

При виде Дису он ощутимо вздрогнул, отступил и сказал что-то непонятное на своем языке. Я взглянула на своего спутника. Дис нахмурился, и между его идеально ровными бровями пролегла упрямая вертикальная складка.

Он ответил коротко, и мужчина в плаще отступил еще дальше. Он смотрел только на Дису и, кажется, даже не заметил меня.

– Ненормальный какой-то, – пояснил Дис, увлекая меня прочь.

Выходя на улицу, я оглянулась.

Света и Наташа были в холле, совсем неподалеку от нас, и, раскрыв рты, наблюдали за развернувшейся перед их глазами сценой.

Отчего-то мне стало неприятно, словно я увидела нечто неподобающее. Дис тоже был мрачен, и минут пять мы шли молча, но затем он, опомнившись, взглянул на меня и улыбнулся. Я не могла устоять перед его улыбкой, и все мрачные мысли тотчас вылетели из головы.

– Пойдем, я покажу тебе Пантеон, – предложил Дис. – Это весьма занятное место. Оно было создано очень давно для почитания богов. Затем его пытались превратить в место поклонения Распятому, затем – в склеп.

«Распятый – это кто?» – хотела спросить я, но вдруг поняла, что речь идет о Христе.

Мы шли по улице, и Дис рассказывал о Пантеоне.

– Это было славное время, – говорил он задумчиво, – Пантеон воздвигли в правление Агриппы, верного пса Октавиана, а затем перестраивали при императорах Домициане, Адриане и Септимии Севере. Тогда люди умели поклоняться богам. Над храмом воздвигли купол, напоминающий небо, и оттуда, сверху, лился свет на молчаливо стоящие статуи. Там был воинственный Марс и надменная Венера, резвая Диана и другие боги. Даже странно, что именно Агриппа стал инициатором создания Пантеона. Сам он был, на мой вкус, грубоват. Прирожденный солдат и флотоводец, временами даже неплохой политик, однако упертый, как баран. Как политику ему не хватало гибкости, хотя он порой оказывал на Октавиана плодотворное влияние, император как-то даже хотел усыновить его. В целом достаточно непривлекательный человек с сильно развитыми надбровными дугами, отчего его лицо вечно казалось мрачным и недовольным.

– Ты рассказываешь о нем так, словно сам видел его. Ты увлекаешься историей?

– Можно сказать и так, – Дис улыбнулся. – Вот и дошли.

Перед нами высилось наполовину окутанное лесами округлое сооружение.

– Здесь внутри – могила Рафаэля, – продолжал мой спутник. – Вот этот мне скорее симпатичен. Хотя все люди слабы. Он приносил своим друзьям несчастья и желал только одного – искусства. Он жил им и был очень тщеславен...

Обычно я не люблю всякие исторические подробности и всегда плаваю в эпохах и датах, но Дису слушала с удовольствием. Возможно, из-за необычайно мягкого тембра его голоса, от которого по спине пробегали мурашки. Возможно, из-за его умения рассказывать так, что веришь, будто он видел все это сам, собственными глазами.

Мы вошли в Пантеон, заполненный туристами.

– Добрый старый Рим, – вздохнул Дис на входе, – от тебя уже почти ничего не осталось...

Мы постояли у надгробия Рафаэля, а затем покинули священное место, чтобы еще побродить по узким улочкам Рима.

– У каждого города есть лицо, – рассказывал Дис, – у Рима оно похоже на лицо двуликого бога Януса. Туристы видят его одним, но только тем, кто живет здесь постоянно, город открывается в истинном обличье. Только сроднившись с ним, можно услышать музыку грязных кривых переулков, почувствовать биение сердец за толстыми стенами непримечательных старых домов, похожих на крепости... Вот посмотри на этот серый дом, – он остановился и указал на один из действительно ничем не примечательных домов, – когда-то здесь бушевали страсти ничуть не менее яркие, чем в знаменитой истории о Ромео и Джульетте. Здесь жила девушка, влюбленная в молодого художника. Он же не любил никого, кроме своего искусства. Она прошла через все унижения, чтобы завоевать его любовь, и умерла на костре, обвиненная в колдовстве по доносу любимого. А на излете периода, который люди

называют Возрождением, в этом доме проживала дама, вышедшая замуж за торговца. Всякий раз, когда он отправлялся в плавание, она ставила на окно зажженный светильник, веря, что его тусклый огонек приведет мужа домой. Но он не вернулся из очередного плавания. Женщина ждала его несколько лет, не теряя надежды, а потом взмолилась старым богам, моля вернуть ее мужа. И однажды в грозовую ночь он действительно вернулся к ней, весь промокший и бледный. Она выбежала ему навстречу и поцеловала его, однако он стал иным – его губы были холодны, а взгляд устремлен в пространство... Он казался очень усталым и изможденным...

– Я знаю, у нас тоже есть такие истории. Как у Жуковского, когда к девушке возвращается мертвый жених, – сказала я, чувствуя, что от рассказа Диса мне становится жутко, будто я вижу все собственными глазами. – Но скажи, что все закончилось хорошо! Я не хочу слышать эту историю, если она грустная!

– Все закончилось хорошо, – подтвердил Дис. – Получив желаемое, она вновь взмолилась богам, прося теперь забрать мужа обратно. Люди зачастую и сами не знают, чего хотят.

Я посмотрела на серые мрачные стены. Обычный дом, совсем незаметный на фоне более старых и пышных соседей, и вправду вдруг наполнился жизнью. Еще секунда – и я почувствую биение его сердца, увижу в окне отблеск света от зажженной лампы...

– Вижу, что напугал тебя. Пойдем отсюда, – Дис взял меня за руку и повел прочь.

Мы как раз проходили мимо одного из кафе, откуда вдруг пахнуло насыщенным ароматом капучино и свежей, только с огня, выпечкой. Я сглотнула, нехотая вспомнив, что не завтракала сегодня.

– Думаю, пора зайти куда-нибудь, – сказал Дис, опуская руку в карман куртки, и тут на его лице появилось озадаченное выражение.

– Интересно, есть ли здесь поблизости банк? Совсем забыл взять деньги, – пробормотал он.

Я огляделась. На другой стороне дороги, словно по заказу, стоял банкомат.

– Вон, – я указала на него Дису.

Он посмотрел на меня с недоумением:

– Этот железный ящик?

– Да... – теперь настал мой черед растеряться.

– И как им пользоваться? – спросил Дис, усугубляя мое недоумение.

– Ну... вставляешь в щель свою карточку и получаешь деньги, – объяснила я, не понимая, как может быть, чтобы молодой парень никогда не пользовался банкоматом.

– А, ну конечно! – Дис улыбнулся и перешел на другую сторону дороги.

Я последовала за ним. Он достал из кармана карточку – по виду то ли проездной билет, то ли визитку, – положил ее в щель и... взял из нижнего окошечка деньги. Что-то во всем этом было странно неправильное, почти пугающее. Я нахмурилась, стараясь сосредоточиться. Мысли путались и скакали, словно игривые козы. Ну конечно! Он даже не прикоснулся к кнопкам!

Бред!

Я с минуту смотрела на него, не понимая, что происходит, но, к счастью, в моей голове прояснилось. Если кто-то здесь сумасшедший, то, конечно, я. Банкомат не выдает деньги по проездному билету. Это была обычная банковская карточка, просто непривычного для меня вида, и, разумеется, Дис вводил всю необходимую информацию, начиная от пин-кода. Просто это отчего-то не отложилось в моей голове. Я вообще порой бываю очень рассеянной, так что ничего удивительного.

– Ну что, идем? – спросил он меня, каменным изваянием застывшую посреди улицы.

– Да, разумеется, – я кивнула, все еще ощущая, что реальность вокруг меня словно подернута маревом.

Надо срочно взять себя в руки. Может, у меня температура?.. Стараясь, чтобы Дис не заметил, я пощупала свой лоб. Вроде холодный. Или это руки у меня слишком горячие?..

Дис посмотрел мне в глаза, и я тут же забыла обо всех своих бреднях. Воистину сон разума рождает чудовищ!

Дис привел меня в ресторан, расположенный на вершине одного из римских холмов. Отсюда открывался удивительный вид на город.

– Хочешь, весь Рим будет у твоих ног? – спросил мой спутник.

Я улыбнулась, оценив изящество его шутки, но он смотрел серьезно, и я опять растерялась. Иногда мне отчего-то становилось не по себе рядом с Дисом, словно он гораздо старше меня и другой, непохожий на меня... Я бросила украдкой взгляд на его гладкую кожу. Ерунда, ни за что не поверю, что ему больше двадцати двух – двадцати трех.

Нам принесли заказ, и я, основательно проголодавшаяся на свежем воздухе, тут же принялась за свою лазанью.

– Разве можно не знать о банкоматах? – спросила я, перейдя к десерту – тирамису и неизменному в Италии капучино.

Дис пил кофе из крохотной чашечки, судя по всему, кофе был очень крепким, и напиток доставлял ему явное наслаждение, потому что Дис, отхлебнув глоточек, откинулся на спинку кресла и замер, смакуя послевкусие. Мой вопрос застал его врасплох. Дис быстро взглянул на меня, но тут же улыбнулся.

– Разумеется, – ответил он, беря со стола крохотную чашечку и уютно устраивая ее в своих больших ладонях, – можно сказать, что я живу в прошлом и прошлом.

– Ну конечно! Ты историк, я так и догадалась!

– Не совсем, – Дис повернул чашечку так, что в ней отразилось солнце – действительно, очень красиво. – Я не совсем историк, скорее коллекционер, – закончил он, налюбовавшись красивой картинкой.

– Коллекционер? – я удивленно подняла брови. Коллекционерами для меня были бородатые дядьки прошлых веков, собиравшие картины, чтобы потом передать их в какой-нибудь государственный музей, весьма скучные и занудные дядьки. Совсем не такие, как Дис.

Дис кивнул.

– Да, я коллекционирую истории и предметы... Все то, чей срок стал бы недолговечным, не будь меня. Так что вернее даже назвать меня не коллекционером, а хранителем.

– Хранитель, – медленно повторила я.

Это слово было на языке, словно льдинка или карамелька с необычным сладко-кислым вкусом, от него пахло пылью веков, скопившейся на тяжелых бархатных портьерах, кожей, обтягивающей старые рукописные тома, и еще чем-то загадочным, незнакомым. Иногда самые простые слова вдруг вот так вспыхивают для меня ярким светом, и тогда я пишу одну из своих миниатюр. Но сейчас писать я, разумеется, не стала – во-первых, потому, что под рукой не оказалось ручки, а во-вторых, оттого, что рядом находился Дис. Он и сам был похож на произведение искусства, особенно сейчас, когда солнечные лучи мягко очерчивали его твердый и безукоризненно правильный профиль. Бывают ли люди столь совершенными?

– И ты действительно коллекционируешь всякие вазы и картины? Ты работаешь в музее? – продолжала расспрашивать я.

– Нет, вазы – не мой профиль. – Дис отставил свою чашку. – У меня частная коллекция. Я обязательно покажу ее тебе, но потом, не сегодня. Ну что, пойдем? Рим ждет нас.

Мы опять целый день бродили по городу – гуляли, взявшись за руки, под платанами на берегу Тибра, посетили церковь францисканцев со склепом, выложенным костями монахов, побывали в катакомбах, где хоронили своих умерших ранние христиане. И обо всех этих

местах Дис рассказывал так, словно был там в те далекие времена, в моем воображении сами собой оживали яркие картинки. Я видела этих людей, умерших много сотен лет назад, словно живых.

– И тогда он сказал: о горе, потому что со старыми богами уходит прежний могучий Рим, – процитировал Дис, перешедший к рассказу о закате великой империи, и у меня на глаза навернулись слезы.

Мне привиделся император – уже немолодой мужчина с усталым взглядом и прочерченными на лице временем складками, напоминающими зарубки на память. Вот он в белых одеждах, чуть развевающихся на ветру, стоит на вершине холма, глядя на заходящее солнце. Алый – цвет огня и цвет крови.

– До заката оставалось уже совсем немного, неполные двести лет... – закончил Дис.

Мы снова стояли на берегу Тибра и смотрели на крупных чаек, беспрестанно круживших над мрачным Замком ангела – резиденцией, превращенной в страшную тюрьму, бежать из которой было невозможно.

– Ты совершенно необыкновенный! – сказала я, глядя в потемневшие в наступающих сумерках глаза Диса. – Я никогда не говорила таких слов, но я... я люблю тебя!

Мне самой была странна моя неожиданная отчаянная смелость и его улыбка – немного усталая и неожиданно чужая. Как будто мы с ним стояли на разных берегах реки, откуда не докричаться друг до друга.

Но тут он шагнул ко мне. Его руки мягко, но властно легли на мои плечи, а губы прикоснулись к губам, и все глупые мысли исчезли, как ночные тени с наступлением дня, потому что в моем мире снова зажглось солнце.

Только с появлением Диса я научилась чувствовать. Только он раскрасил мой черно-белый, похожий на карандашный набросок мир в яркие краски. Я смотрела на Диса, и в голове сами собой складывались строки. Новая миниатюра, которую не требуется записывать, потому что она уже в моем сердце.

И вот я смотрю в твои глаза. В них – весь мой мир. Совершенный мир, заключенный в переливчатый круг радужки твоих глаз. От тебя пахнет полынью, краской и пылью, и в твоих волосах путается солнечный луч. Твои губы – со вкусом миндаля, в твоих поцелуях едва уловимая горчинка. Наверное, потому, что ты слишком прекрасен, я не верю в возможность счастья. Я хотела бы ходить по кругу, сплетя руки, переплетаясь душами, и чтобы потом о нас написали: «А на их могилах вырос шиповник, на его – красный, на ее – белый, и ветви кустов так плотно переплелись, что цветы сами позабыли, на каком из кустов они растут». И я бы любила тебя всю жизнь. И я бы была твоей верной тенью, лежащей у твоих ног, отражением твоей улыбки, взмахом твоих ресниц. Я шла бы за тобой, как Эвридика за Орфеем, не спрашивая ни о чем. Только не оглядывайся, только не предавай...

* * *

Я вернулась в отель уже в темноте и, подходя к номеру, остановилась, услышав изнутри голоса. Все-таки со звукоизоляцией в этой гостинице не все гладко.

– Ты сама видела, как он испугался, и слышала, что он ответил мне, когда я подошла к нему, – возбужденно говорила Света. – А тот! Ты обратила внимание на его глаза? Они совершенно неподвижные и чужие, словно у инопланетянина. Говори что хочешь, но он не от мира сего. Маньяк – и это еще в лучшем случае!

Мне стало смешно. Если маньяк – это лучший случай, то кем же может быть обсуждаемый ими субъект?! Впрочем, особо гадать о том, кто стал предметом их сплетен, не приходилось.

– Вы опять о Дисе? – спросила я, заглядывая в незапертую дверь.

Наташка ахнула и от неожиданности подскочила на кровати, где, уютно облокотившись на подушку, красила ногти в кроваво-красный.

Светка, наносившая перед зеркалом на лицо крем (тщательно следить за собой – ее кредо), осталась спокойна.

– А, уже вернулась? Почему же о Дисе? Просто обсуждаем фильм. Не думай, будто нам больше вообще делать нечего, только обсуждать тебя и твоего парня.

Я, немного расслабившись, взглянула на Наташку. Она с остервенением оттирала смазавшийся от резкого движения лак.

– Кстати, раз уж мы об этом заговорили... – Светка сложила губы трубочкой, потом надула щеки, разглядывая себя в зеркале, и наконец продолжила: – Так вот, узнала ли ты что-нибудь об этом... Дисе? Чем он занимается?

– У него свой бизнес, – ответила я, чтобы отвязаться от заботливой подруги.

– И какой же?

– Связанный с искусством... Слушай, а чего ты так к нему привязалась? То тебе его паспорт понадобился, теперь, может, характеристику с места работы потребуешь? – не выдержала я.

– Было бы неплохо, – мрачно ответила Светка.

Я расхохоталась.

– Ну нет – так нет, – смирилась она. – В конце концов, ты не маленькая, можешь сама решать, с кем стоит встречаться.

Наташка горестно вздохнула, явно сожалея, что решение этого важного вопроса доверено такому не вызывающему доверия существу, как я.

– Вот и харе вмешиваться, – резюмировала я.

– Как знаешь.

Светка вернулась к нанесению крема, а Наташка, сосредоточенно сдвинув брови, – к покраске ногтей.

Я села на свою кровать, все еще глядя на подруг.

Теперь я осознавала их отдельно от себя. Раньше я думала о нас «мы», подразумевая сразу и себя, и Светку, и Наташку. Еще совсем недавно, когда мы только приземлились в аэропорту «Леонардо да Винчи». Теперь я была сама по себе, а они двое отдельно и словно в оппозиции, я словно ощущала исходящую от них скрытую опасность. Я так боялась за свое едва народившееся счастье, что думала, что ему может угрожать каждый. Бред, конечно, но отделаться от этого чувства не получалось.

– Мы сегодня очень многое посмотрели. Даже были в церкви с костями, – невозмутимо продолжила Света, легко похлопывая себя по щекам.

– Мы тоже туда заходили, – ответила я, снимая ботинки и чувствуя, что понемногу начинаю расслабляться.

– А еще видели очень странную девушку. Она шла по улице и танцевала, хотя не было слышно никакой музыки, – добавила Света, поворачиваясь ко мне.

– Может быть, у нее был плеер? – осторожно предположила я.

– Нет! В том-то и дело, что абсолютно ничего, я специально обратила внимание! Она танцевала под музыку, которая играла у нее в голове.

– Сумасшедшая?

– Возможно, но было красиво, – протянула Наташка, поднимая голову от своих окровавленных, как мне показалось в обманчивом искусственном свете, ногтей.

Когда мы уже легли, я вспомнила, что так и не поинтересовалась, какой именно фильм обсуждали мои подруги, когда я вошла. Но вопрос был недостаточно важен для того, чтобы будить их, уставших за день. Вон Наташка уже спит, смешно и трогательно сопя.

Наутро мы проснулись позже обычного, быстро, чтобы не опоздать на завтрак, умылись, наспех собрались и поспешили вниз, в столовую.

– Ну что, сегодня опять не с нами? – поинтересовалась Света, пытаясь сдуть густую пенку со своего кофе. Ей это, кстати, не удавалось.

– Да, мы договорились. Все так же в десять.

– А мы... – начала Наташка, но резко замолчала и застыла с озадаченным выражением лица. Видимо, Светка наступила ей под столом на ногу.

– Да, Кать, иди, а мы с Наташей как раз в один музей собирались, – с нажимом произнесла подруга.

Я недоверчиво покосилась на нее. Похоже, она что-то задумала. Но вот что?..

– Да, совершенно замечательный музей... Может, тоже с кем-нибудь познакомимся, – ни с того ни с сего ляпнула Наташка и осеклась, припечатанная тяжелым Светкиным взглядом.

Я побежала в номер, чтобы еще раз, более тщательно, привести себя в порядок, наложить на губы неяркую помаду и получше расчесать волосы.

Но вот и все. Уже без пяти. Возможно, Дис уже пришел.

В это время в дверь постучали. Недоумевая, кто бы это мог быть, я открыла и обнаружила на пороге маленького сморщенного итальянца с набором инструментов в руках. Он что-то быстро залопотал по-итальянски.

– Я вас не понимаю, – переспросила я.

– Scusi, signora... *lâmpara electrica*... – снова забормотал он.

– Не понимаю! Вы говорите по-английски? Do you speak English?

– O sì, sì! – обрадовался он и привычно затараторил, кажется мешая английские слова с итальянскими.

Понимая, что опаздываю, я попыталась захлопнуть перед ним дверь, но он все совал мне под нос какую-то карточку и рвался в номер, как я поняла, что-то проверить.

Отвязаться от навязчивого итальянского сервиса не представлялось возможным, и я пустила рабочего в номер, где он тут же принялся щелкать выключателями, проверяя, горит ли свет. Вероятно, кто-то пожаловался на ресепшен на перегоревшую лампочку, а они, очевидно, ошиблись номером, потому что у нас-то все было в полном порядке. С трудом выпихнув неприятного субъекта за дверь, я, не дожидаясь лифта, побежала по лестнице вниз.

Я выбежала, запыхавшись, в холл и застала там Наташку и Светку. Они сидели на белом кожаном диване, и по их лицам я увидела, что что-то случилось.

– Дис приходил? – спросила я, приблизившись к ним.

– Что? А... Нет, не видела, – быстро проговорила Наташка, и по ее голосу, а еще по тому, как подруга отводила глаза, я поняла: она лжет.

На душе стало беспокойно. Я оглядела холл. Девушка на ресепшен беседует с кем-то из посетителей... На соседнем диване, неподалеку от нас, сидит пятилетняя девочка, капризно надув губки, а вокруг нее носятся, словно заводные, родители. У входа стоит охранник... Дися и вправду нет.

– Посиди с нами, – Светка хлопнула по дивану подле себя. – Подождем.

– А вы разве не торопитесь в музей? – подозрительно спросила я.

– Успеется.

Ощущение тревоги нарастало.

Я запахнула куртку и вышла на улицу. Серое небо... Как бы не пошел дождь...

– Привет, а я думал, ты не придешь. Твои подруги сказали, что ты заболела.

Он обнял меня, и я прижалась щекой к его холодной и вместе с тем обжигающей щеке. Как же хорошо!.. Но постойте... Он сказал, будто...

– Ты говорил со Светой и Наташей? – спросила я, отстранившись.

– Да, – он улыбнулся. – А они разве не рассказывали, что встретили меня? Они сказали, что ты себя плохо чувствуешь, но я очень рад, что тебе уже лучше.

Каждое слово оставалось ожогом на моей коже.

– Подожди, я сейчас, – я выпустила его руку и быстрым шагом вошла в холл.

Картинка сложилась. И тот вызов электрика тоже не был случайностью! Нет, это не ошибка ресепшен, это мои завистливые подруги принимали свои меры, стремясь разрушить мое счастье!

Щеки уже пылали от гнева, а из груди поднималась волна яростного возмущения.

Мнимые подруги так и сидели на том же диванчике.

– Значит, я заболела и не приду? – Я смотрела на них как на чужих. Если подумать, то я действительно видела их такими впервые. Вот до чего доводит зависть! Это как в «Аленьком цветочке», когда злые сестры героини переводят часы, чтобы она вовремя не вернулась в заколдованный замок, а влюбленное чудовище погибло.

– Кать, пойми... – взмолилась Наташка.

Светка молчала. Она и так все осознала.

– Отныне вы мне чужие! Поняли? Чужие!

Кажется, я кричала, и все в холле смотрели на меня. Но это не важно. Такие мелочи могли бы смутить меня в прошлой жизни, но не теперь.

– Все кончено, – сказала я и вышла прочь.

Заметка № 4

Тайна хранителя

– Они всегда завидовали мне! – говорила я, быстро шагая по узенькой римской улочке. – Им всегда хотелось, чтобы я казалась неудачницей, а они на моем фоне выглядели лучше, чем есть!

Дис не подтверждал и не возражал. Он просто молча шел рядом со мной.

В конце концов я не выдержала и, остановившись, обернулась к нему:

– И что ты о них думаешь?

Он равнодушно пожал плечами:

– Ничего. И ты забудь. Такие друзья тебе не нужны. Тебя ждет иная участь.

Благодаря его спокойствию моя злость разом испарилась.

– Ты прав, – я перевела дыхание.

И действительно, из-за чего я волнуюсь? Разве мне нужны друзья? Разве мне вообще кто-либо нужен, кроме Диса? Он такой спокойный и надежный, рядом с ним легко, и мне кажется, он понимает мои желания даже без слов – стоит мне устать или проголодаться, он тут же находит скамейку в парке или место в кафе; стоит захотеть пойти дальше – и он поднимается и подает мне руку за полминуты до того, как я успеваю озвучить свою мысль. Должно быть, мы идеально подходим друг другу, а значит, будем навсегда вместе, и никто не сможет разлучить нас.

– А куда мы пойдем? – спросила я скорее для порядка. Мне было все равно, куда идти, лишь бы с Дисом.

– Немного прогуляемся, – ответил он, – а потом ко мне. Я покажу тебе свою коллекцию.

Сердце глухо стукнуло в груди. Я была рада и смущена одновременно. То, что он пригласил меня к себе – вернее, даже не пригласил, поскольку ни на секунду не сомневался в моем согласии... – означает нечто большее, чем просто просмотр коллекции, или не означает?..

У меня еще никогда не было близких отношений. Мой последний парень Сашка как-то пытался предпринять определенные шаги по этому поводу. Помню, мы даже долго целовались в его комнате на ужасно неудобном кожаном диване, но потом, когда он захотел расстегнуть на мне джинсы, я сбежала и отключила мобильник. Сашка перезвонил на следующий день и говорил со мной так, будто ничего не произошло. И в следующую встречу мы опять гуляли по Кускову, обсуждали новинки кинопроката и ходили в «Шоколадницу». Он не напоминал о произошедшем ни словом и ни разу не пытался повторить. Сначала я была этому рада, потом даже недоумевала и в конце концов решила, что не интересую его как девушка. В общем, опыта у меня не было никакого.

Я почувствовала, что кровь приливает к щекам. А вдруг это я дура и приглашение посмотреть коллекцию надо понимать совершенно буквально?

Я украдкой взглянула на своего спутника. Его твердый, словно высеченный из мрамора античный профиль оставался спокойным. Понять, о чем Дис думает, не представлялось возможным. Его лицо не отражало ни смущения, ни волнения, ни радости – красивое лицо уверенного в себе человека, видевшего в этой жизни если не все, то почти все.

Смутившись еще больше, я отвела взгляд и поняла, что мы снова пришли к Колизею.

– Я хочу показать тебе былую славу Рима, – сказал Дис. – Ты ведь еще не была внутри?

Мне показалось, что спросил он для порядка, прекрасно зная, что нет, не была.

В кассы стояла очередь, однако мы прошли, минуя охранника, сразу внутрь. Видимо, у Диса имелись здесь свои связи. Поднявшись наверх, мы остановились у проема. Теперь почти невозможно было понять, где арена, где подсобные помещения.

– Вон там – царская ложа. Скамейки сохранились только там, – пояснил Дис, указывая на ложу из белого камня.

У моего уха щелкали фотоаппараты и звучала разноязыкая речь – туристы спешили урвать свой кусочек античной истории.

Я пригляделась – выглянувшее из-за туч солнце вдруг ослепило меня, попав прямо в глаза. А когда я моргнула, картинка изменилась. Я и Дис сидели на скамье над овальной сценой, где была насыпана гора, имитирующая уголок дикой природы. Я в подробностях видела, как гладиаторы с короткими мечами бьются против диких зверей. Огромный лев с желто-черной гривой как раз сейчас ударил гладиатора тяжелой лапой, и человек упал, заливая песок кровью.

– Что это? – прошептала я, поворачиваясь к Дису, и только тут поняла, что изменился весь Колизей.

Теперь здесь поднимались скамейки, на которых сидели люди, одетые в длинные тоги и плащи. Между рядами ходили торговцы, предлагая какие-то лепешки и вино, а над нашими головами был натянут огромный тент.

Люди кричали, размахивали руками.

– Посмотри там, в императорской ложе. Это Тит Веспасиан из рода Флавиев. При нем был открыт Колизей, – сказал Дис.

Я невольно перевела взгляд на императорскую ложу и увидела усталого человека с круглым, изборозженным морщинами лицом. Он сидел, сложив на коленях пухлые руки, и казался погруженным в собственный мир, происходящее на сцене его не интересовало.

– Но как?.. – начала я и замолчала, потому что странная картинка вдруг исчезла. Передо мной были все те же развалины, среди которых, словно муравьи, пришедшие терзать труп слона, сновали туристы.

– Что как? – заботливо переспросил Дис.

– Нет, ничего, – я потрогала рукой голову. Вроде не слишком горячая, однако расценивать только что увиденное иначе как бред невозможно. Бред или галлюцинация, навеянная состоянием двойной влюбленности – в Рим и в Диса. – Пойдем отсюда.

– Хорошо, – Дис подал мне руку, на которую я с радостью оперлась, чувствуя, что меня шатает, словно после солнечного удара.

Мы двинулись к выходу, и тут я увидела на ступеньках кошку. Бродячую тощую кошку. Она тоже заметила нас, и по ее спине пробежала крупная дрожь. Животное на секунду замерло, словно превратившись в собственное изваяние, а затем стремглав бросилось прочь. Меня буквально захлестнуло нереальным ужасом, исходившим от маленького зверька. Но кого же он испугался? Кроме нас с Дисом, поблизости никого не было.

Мне вспомнились популярные сейчас вампирские романы. Животные реагируют подобным образом на вампиров. Но Дис никак не мог быть вампиром – во-первых, потому, что спокойно ходит при солнечном свете, а во-вторых, потому, что вампиров вообще не существует, это сказка для восторженных тринадцатилетних девиц. Из этого возраста я давно вышла.

– Ну что, пойдем? – спросил Дис, заглянув мне в глаза.

Его глаза казались целыми вселенными, там запросто можно было заблудиться, и я, конечно, тут же забыла и о кошке, и о странном видении.

Мы подошли к дороге, и перед нами остановился высокий серебристый автомобиль. Совершенно не разбираюсь в марках, но даже у меня создалось ощущение, что стоять он должен недешево.

– Вот и мой шофер, – объявил мой спутник, открывая передо мной дверцу.

– Твой кто? – переспросила я, начиная подозревать, что что-то у меня с головой все-таки не в порядке.

– Мой шофер, – терпеливо пояснил Дис, – помнишь, я говорил тебе, что живу в прошлом и не слишком разбираюсь во всяких современных штуках.

Усаживаясь на кожаное сиденье, я подумала, что что-то пропустила. Я никогда не задумывалась о социальном положении Диса. Теперь, бросив взгляд на его одежду, я подумала, что это элегантное черное пальто, сменившее мягкую кожаную куртку, может быть хоть от Диора, хоть от Лагерфельда – я в этом абсолютно не разбиралась. Следом за тем пришла мысль, что моя-то куртка явно не от Диора и куплена в скидочном магазине за две тысячи рублей, джинсы тоже с распродажи, а о ботинках – пусть очень удобных, но уже изрядно сбитых и поношенных – и говорить нечего. Внезапно я почувствовала себя неуютно и постаралась незаметно подобрать ноги. Конечно, запоздало: Дис уже имел все шансы заметить состояние ботинок и наверняка заметил, если он вообще обращает внимание на такие вещи.

– Не беспокойся, все хорошо, – сказал он, как всегда прочитав мои страхи, и взял меня за руку.

Стало легче.

Машина, ловко маневрируя, промчалась по заполненным римским улицам и выехала в окраинные районы.

– Скоро будем. Мой дом в пригороде. Не люблю суету и шум.

Я кивнула. То, что Дис, оказывается, богат, меня порядком расстроило. Только в детстве можно верить в милую сказку про Золушку и принца. Что может быть общего у меня, ютящейся с родителями в крохотной двухкомнатной хрущевке, с человеком, у которого есть личный шофер и, готова спорить, собственная вилла? Но я же сижу сейчас рядом с ним. Значит, нечто все-таки есть?..

Тем временем автомобиль остановился у высокой металлической ограды, шофер нажал на пульте кнопку, и ворота медленно отползли в сторону. Я взглянула в лобовое стекло, и у меня захватило дух: дорога шла резко вниз, под уклон, уводя к далекому дому, расположенному в низине, словно в чаше.

Еще минута – и мы уже оказались у подъезда. От скоростного спуска захватило дух, и моя рука дрогнула, когда я выходила из машины.

Вилла Диса была двухэтажной, с рядом классических колонн, поддерживающих передний портик здания. Нечто в античном стиле и, насколько я могла судить, выстроенное довольно давно. Может быть, в семнадцатом веке, а может, и того раньше. Я не специалист, не могу судить об этом.

Подъездная аллея, ведущая к дому, была усажена высокими кипарисами, а у стены коттеджа цвели мелкие алые розы. И это в январе, когда в Москве толстым слоем лежит снег, а деревья одеты в прочный ледяной панцирь!

– Выходи, – Дис сделал приглашающий жест, раскрывая передо мной дверь, и я, мгновение поколебавшись, ступила на черно-белый мозаичный пол.

Внутри было прохладно – почти так же, как на улице, слабо, но приятно пахло незнакомыми благовониями.

На второй этаж вела широкая лестница, возможно мраморная, по бокам которой стояли изваяния прекрасных обнаженных девушек, держащих в раскрытых ладонях шарообразные светильники.

Этот дом не казался мне домом – скорее уж музеем, мне с трудом представлялось, что некто может быть его хозяином и единовластным владельцем.

Я замерла посреди огромной прихожей, вдруг подумав о том, что Дис слишком молод, чтобы являться обладателем всех этих сокровищ. Скорее уж его родители, какие-нибудь владетельные итальянские князья, происходящие из древнего рода и помнящие своих предков едва ли не со времен Гая Юлия Цезаря. Но что они скажут, увидев, кого привел их сын?!

– Не волнуйся, родителей нет, – произнес Дис со странной улыбкой.

Я вздрогнула, хотя могла бы уже привыкнуть к тому, что он, похоже, имеет полный доступ к моим мыслям. И что значит «нет» – они здесь вообще не живут или просто уехали?

Он провел меня через ряд комнат в странное помещение с мозаичным полом и деревянными скамьями, обложенными подушками.

– Здесь все устроено по древнеримскому обычаю. Римляне на пирах не сидели, а именно возлежали. Ты оценишь, насколько это удобно. Устраивайся, а я пока принесу тебе чего-нибудь освежающего.

Я, оставив куртку в прихожей, уже начала мерзнуть в этом странном холодном доме и, опустившись на одну из скамеек, с удовольствием завернулась в лежащий тут же темно-синий пушистый плед. И вправду удобно.

Тут появился Дис и поставил на стоящий передо мной низкий столик металлическое блюдо, на котором стоял бокал воды и лежал разломанный на четыре части гранат. Это был удивительно крупный плод, с светло-бурой, местами потрескавшейся кожицей и темно-вишневыми, крупными зернами, через сочную мякоть которых едва просвечивала косточка.

Я осторожно взяла четвертинку граната. Вся обстановка навевала мысли об античности.

– После того как бог подземного царства Аид похитил Персефону, он дал ей съесть несколько гранатовых зернышек, чтобы она не забыла царство смерти и вернулась к нему, – задумчиво процитировала я и, подняв голову, встретила взгляд Диса.

Его глаза были мрачны и настойчивы. Я почувствовала себя неуютно, словно исходящие из них невидимые лучи пронизывали меня насквозь, не оставляя в душе ни единой потаенной частички.

– А ты бы съела гранат, зная, что после этого навсегда останешься со мной, в моем царстве? – спросил Дис, и я не заметила на его губах ни тени улыбки.

– Я...

Я смотрела в его глаза, чувствуя, что меня тянет к нему, словно магнитом. Мое сердце разрывалось от любви, и в то же время мне было страшно. Любит ли он меня? Дорожит ли мной? Дис ни разу не сказал мне об этом, да я и не требовала, готовая щедро одаривать его своей любовью, думая, что одной большой любви с избытком хватит на двоих. Но так ли это? Холод пронзил меня с головы до ног. Что же это со мной происходит! Опять игра воображения? Выходит, римский климат вреден для меня, если у меня с головой вдруг начались такие проблемы. Да полно, конечно, Дис шутит – немногие умеют шутить вот так, с непроницаемым выражением лица. Возможно, он даже ждет, что я испугаюсь. Не на ту напал!

– Конечно, – широко улыбнулась я. – Ради тебя я готова на все! Даже съесть этот гранат!

Я набрала целую ладонь темных, как капельки драконьей крови, зерен и разом положила их в рот.

– Ну вот. Теперь тебе уже никуда не деться, – Дис подошел ко мне, и его губы прижались к моим – обжигающе-властно.

Мы уже целовались с ним, гуляя по городу, но этот поцелуй словно выжиг на мне клеймо. Я не понимала, что происходит. Мне хотелось быть как можно ближе к Дису и в то же время оказаться как можно дальше от него.

– Пойдем, тебе нужно переодеться, – Дис, помогая подняться с ложа, подал мне руку. Она была холодной, словно мрамор, и твердой, как гранит.

Я поднялась со скамейки, чувствуя, что еще сильнее замерзла. Помню, перед Новым годом мы с девочками полдня провели на катке. Пришли заснеженные, замороженные, как сосульки, но с румяными щеками, смеющиеся – и тут же помчались на кухню делать глинтвейн. У Наташки как раз оказался пакет полусухого вина и набор для глинтвейна – с трубочкой корицы, несколькими крупными, пахнущими полузабытым летом изюминками, с ювелирными звездочками гвоздики... Мы пили глинтвейн, от которого слегка кружилась

голова, и нам было тепло и весело, хотя за окном крепчал студёный ветер и проносились снежинки, словно спешащие на свидание с землей. Тогда было тепло. А теперь, в Риме, когда за окном цветут розы и спеют, наливаясь соком, ярко-оранжевые круглобокие апельсины, – холодно. Смертельно холодно.

Дис оглянулся на меня, едва заметно сдвинув на переносице брови, и я поспешила подойти к нему.

– Но зачем переодеваться?

Я понимала, зачем, но все-таки спросила. До сих пор знакомые парни вовсе не обращали внимания на шмотки. Дис – другой. Может, потому, что избалован роскошью, а может, ему как коллекционеру и ценителю прекрасного приятнее смотреть на дорогие и стильные вещи. Мой любимый писатель Оскар Уайльд тоже однажды отличился в этом плане, заказав для побиравшегося под его окнами нищего стилизованные лохмотья у известного портного. Вероятно, у Диса такое же чувство прекрасного.

– Я приготовил для тебя платье... подходящее для этого места. Переоденься.

И никаких тебе «пожалуйста».

Вздыхнув, я направилась в комнату, которую мне указал Дис, и едва не задохнулась от восхищения, увидев лежащее на кровати платье.

Платье было длинным, из какой-то особой материи – мерцающей, как лунный свет, нежной и тонкой, словно лепесток цветка. Кажется, оно было выполнено в античном стиле – со множеством складок и изящным золоченым поясом под грудью.

Я поискала ярлычок, ожидая увидеть на нем название какого-нибудь известного даже мне модного дома, но не обнаружила – этикетки не было вообще. Вероятно, платье шилось на заказ, а учитывая тонкость работы и наличие драгоценных камней, украшавших пояс, стоило оно немислимых денег. К нему даже страшно прикоснуться, не то что надевать на себя.

Однако Дис высказался весьма однозначно, я представила, как он воспримет то, что я ослушалась его, и все сомнения тут же вылетели из головы.

Сняв свою одежду, я надела платье, приготовленное для меня Дисом. Оно льнуло к телу, словно лаская. Кроме кровати, в комнате был туалетный столик с огромным зеркалом. Тоже старинным, как и многие вещи в этом доме. Я подошла к зеркалу и, взглянув на свое отражение, едва поверила собственным глазам. Недаром говорят, что одежда меняет человека. Это казалось волшебством – из обычной московской девушки я вдруг превратилась в сказочную фею. Платье необыкновенно шло мне, а глаза благодаря ему сделались еще ярче и загадочнее, чем обычно. Я взяла лежащую на столике расческу и привела в порядок растрепавшиеся волосы. Удивительно! Так хорошо я не выглядела никогда.

Еще не веря себе, я протянула руку к зеркалу и коснулась пальцами протянутой руки незнакомки, смотревшей на меня из глубины стекла. Неужели это все-таки я?

Едва дыша от волнения, я вышла в холл, где меня дожидался Дис. Он, сидя в глубоком кресле, читал какую-то книгу, но при моем появлении встал и внимательно оглядел меня.

– Я так и думал, как раз впору, – сказал он, протягивая мне руку, – ну, теперь ты выглядишь здесь на своем месте. Пойдем, стол к обеду уже накрыли.

И все. Трудно сказать, чего я ожидала от него, но только не такого безразличного приема.

Входя вместе с ним в огромную столовую, я чувствовала, что мое радужное настроение меркнет. Он называл себя хранителем и коллекционером. Неужели я для него – один из его экспонатов, теперь получивший достойную оправу и наделенный правом спокойно занимать свое место на полке.

За обедом мы молчали, сидя друг напротив друга за длинным столом. Тарелки, ножики, приборы, бокалы... Я едва ли могла разобраться со всем этим, к тому же была

слишком занята своими мыслями о наших с Дисом отношениях, чтобы воздать должное стоящим на столе блюдам. Дис тоже почти не ел, с задумчивым видом отщипывая янтарные виноградины.

– Почему ты не пьешь? – вдруг спросил он, пододвигая ко мне кубок с темно-вишневым, почти черным вином.

Я машинально взяла кубок и пригубила. Вино оказалось совершенно необыкновенным – немного терпким, вяжущим самый кончик языка и вместе с тем раскрывающимся сложным ароматным букетом. Я не большой знаток вин, но это, сразу видно, было особенным.

– Не слишком старое, всего двадцать лет выдержки, но вполне приличное, – откомментировал Дис.

Кокетничает? Называть двадцатилетнее вино не слишком старым, на мой взгляд, явный перебор. Но Дис уже не смотрел на меня. Нет, не похож он на хвастливого нувориша. Скорее действительно коллекционер, ценитель древностей. Для него двадцать лет не срок, хотя ему самому наверняка не так давно исполнилось двадцать.

– Я обещал показать свою коллекцию. Немногие видели ее, – произнес Дис, когда я, допив вино, отставила от себя кубок.

– Да, пойдем, – я поспешно встала и последовала за ним.

По стенам коридора горели светильники, воссоздавая обстановку прошлых времен, и мне показалось, будто мы и вправду перенеслись в прошлое.

Бесконечная лестница уводила вниз, под землю. Выходит, особняк не двухэтажный, как виделось снаружи, а, словно айсберг, скрывает в себе подземные этажи.

– Вот здесь самое сердце моего дома.

Сначала мне показалось, что ступеньки обрываются тупиком, и только взглядевшись, я поняла, что перед нами закрытая дверь.

Дис остановился и приложил к ней руку.

Вот так-то – прошлое прошлым, а системы защиты и сенсорные панели он наверняка использует суперсовременные и знает о них гораздо больше, чем о банкоматах.

Дверь тяжело, словно с усилием, отползла в сторону, скрывшись в стене, и мы шагнули в комнату.

Я не заметила, чтобы мой спутник включал свет, собственно, привычного света в помещении и не было, но я прекрасно все видела, как будто сама тьма излучала мягкое ненавязчивое свечение.

Помещение было вытянуто – противоположная от нас стена терялась где-то вдали – и напоминало зал крупного музея. У стен в нишах стояли статуи и висели картины, в центре комнаты располагались стеллажи, очевидно с книгами.

Я пошла вдоль стен. Одна из скульптур показалась мне смутно знакомой: грозный бородач на троне в венке из оливковых ветвей, в одной его руке – небольшая женская фигурка в древнегреческом одеянии, в другой – скипетр. Накидка, статуя и венец были сделаны из желтого металла, скорее всего золота, лицо, руки и торс – вырезаны из кости.

– Это Зевс? – спросила я, с любопытством разглядывая изваяние, кстати не слишком большое, примерно в половину моего роста.

– Да, – Дис слегка улыбнулся. Видимо, то, что я обратила внимание на эту скульптуру, доставило ему удовольствие. – Работа Фидия. Когда его пригласили в Олимпию для того, чтобы он изготовил статую для нового храма, мастер сделал первую пробную модель прежде, чем приступить к работе в натуральную величину. Та статуя, что стояла в храме, была бы слишком велика для моего скромного жилища, а эта как раз вписалась в коллекцию.

Я чувствовала себя так, словно мир вокруг меня подернулся странной рябью. Я не то чтобы большой знаток искусства, но интересовалась чудесами света, могу перечислить все семь, разбудите меня даже среди ночи, и прекрасно знаю, что Фидий жил еще до нашей эры,

а статуя Зевса Олимпийского сохранилась только в описаниях после того, как, оскверненная ворами, ободравшими все золото, была отправлена в Константинополь, где погибла во время большого пожара. Разумеется, ни о какой копии речи и не велось, работы Фидия вообще не дошли до наших дней! Ни одна из них!

– Ммм... – Мне не хотелось обидеть коллекционера, но промолчать я просто не могла. – А ты уверен, что это именно Фидий?

Дис опять улыбнулся – так же странно, как улыбался всегда, одними уголками губ.

– Конечно, – ответил он, переходя к следующей нише, – как и эта статуя.

Я последовала за ним. В нише стояла скульптура, изображающая юную девушку в тунике, соскользнувшей с сильного плеча. Вся фигура лучилась энергией, казалось, девушка вот-вот завершит незаконченный жест, вынет из колчана стрелу и наложит ее на не знающий поражения лук. На этот раз материалом для статуи послужил мрамор. Разумеется, я не разоблачила бы даже вчерашний новодел и скорее была готова поверить в то, что Дис с упорством маньяка воссоздает утерянные шедевры, чем в то, что все это – подлинники, неким чудом сохранившиеся в неизвестности бог знает сколько веков.

– Красиво. Ты сам художник? – осторожно задала я новый вопрос, переходя к следующему экспонату.

– Я не художник, я коллекционер, – мягко поправил Дис. – Я умею ценить истинную красоту и берегу ее для вечности.

– Но разве в этом случае не стоит открыть свой собственный музей? Ну, чтобы люди могли увидеть все это?

– Люди? – Мне показалось или в голосе Диса проскользнуло презрение? – О нет, они не могут оценить прекрасное. Их век слишком короток, а все мысли направлены на сиюминутное. Лишь некоторые из них способны подняться над своей природой и создать нечто, достойное сохранения в веках. Среди них Фидий, Микеланджело, Леонардо да Винчи, кстати, их работы тоже есть в моей коллекции.

Я обернулась к нему, уставившись в его лицо с непониманием и недоверием.

Пока Дис говорил, меня терзала упорная и странная мысль, которую я озвучила тут же, как только он замолчал:

– Ты так говоришь о людях, словно не относишь себя к их числу.

Он ответил мне серьезным взглядом, пробравшим до самых костей.

– У тебя тоже хорошие возможности встать над ними.

Я издала нервный смешок. А вдруг Дис ненормален и воображает себя кем-нибудь? Ага, каким-нибудь столетним вампиром типа Эдварда Каллена и начинает думать, будто весь мир у него в кармане. А ведь это и вправду страшно! Многих подростков серьезно выбило на вампирах, вот у них мозги и поехали.

– Но ты же не какой-нибудь... вампир? – уточнила я, на всякий случай отступая на шаг, и с облегчением перевела дух, когда Дис презрительно пожал плечами и ответил:

– Разумеется, нет. – И, как всегда угадав мои мысли, добавил: – Надеюсь, ты не подозреваешь меня в том, что мне исполнилось сто лет?

Глядя в его глаза, я была готова поклясться, что он абсолютно нормален. Это меня занесло в какие-то дебри, наверное, под влиянием стильной и необычной обстановки. Конечно, это всего лишь шутка или, если угодно, мистификация!

– Ну конечно, не сто! Ты гораздо старше... – Я выдержала зловещую паузу, после которой, давась от едва сдерживаемого смеха, добавила: – Тебе двадцать два или двадцать три! Ну что, угадала?

– В твоих словах определенно есть правда. Кстати, пройдем к стеллажам, я покажу тебе вещи, привезенные с твоей родины.

Оказалось, что на полках, расположенных посреди комнаты, хранятся не только книги, но и различные мелкие вещи – вазы, монеты, медали. Несколько стеллажей поближе к двери были заполнены странными предметами, походившими на рулоны.

– Это папирусные свитки, – пояснил хозяин дома, – здесь сочинения Менандра, Плутарха, Аристотеля, Геродота и других...

– Ага, – я с готовностью поддержала шутку. – А библиотеки Ивана Грозного у тебя случаев нет?

– Нет. Только несколько книг из нее. Византийских, касающихся искусства, – Дис, подыгрывая мне, с совершенно каменным выражением лица указал рукой на стеллаж подальше.

Я подошла к нему и увидела огромные книги в тяжелых кожаных переплетах. От них пахло старой кожей и пылью – впрочем, несильно и скорее приятно.

– Это и есть твои сокровища из России? – я провела пальцем по корешку толстого тома. Он был на удивление реальным.

– Да, хотя и не самые древние. Вот, например, обрати внимание, первая Новгородская летопись. Писано на бересте в начале тринадцатого века. А вот тоже забавная вещица – крест Евфросинии Полоцкой двенадцатого века.

Я взяла в руки тяжелый крест с изображениями Христа и архангелов, щедро украшенный драгоценными камнями.

– Это настоящее золото? – Кажется, я снова не знала, что мне обо всем этом думать.

– Ну, не совсем. Здесь только двадцать одна золотая пластина, боковые поверхности облицованы серебром.

– Ага... – Это «ага» вышло у меня гораздо слабее предыдущего. – И ты не боишься хранить все эти ценные вещи так... открыто?

Я огляделась, пытаюсь увидеть сигнализацию, но на стеллажах не было даже стекла.

Дис усмехнулся, а в его глазах промелькнул недобрый огонек.

– Разумеется, нет. Хотел бы я посмотреть на вора, забравшегося ко мне!

Мне вдруг снова показалось, что он и вправду очень опасен, хотя объяснить, откуда взялось это чувство, я не могла.

– Ладно, на первый раз хватит. У тебя еще будет время посмотреть все это. Достаточно времени... А теперь пойдем наверх.

Выходя вслед за Дисом, я оглянулась на огромный зал, наполненный если не величайшими сокровищами на земле, то по крайней мере искусными копиями, достойными самого искреннего восхищения.

Что записать в своем дневнике поездки? То, что все вдруг переменялось волшебным образом, и вот я уже сижу за столом в гостиной, чьи стены отделаны красновато-коричневыми деревянными панелями. На столе горят свечи в высоких медных подсвечниках в виде фигур людей и фигурок странных существ. Судя по их виду, они помнят не одну сотню лет и наверняка являются драгоценными сокровищами. Поэтому я замороженно слежу за быстрой каплей воска, косым шрамом пересекающей гордый лоб древнегреческого героя Персея.

Дис сидит напротив меня. Даже опустив глаза, я чувствую его взгляд. Он смотрит на меня так, словно оглядывает интересный образец, думая, не присоединить ли его к своей коллекции.

Что написать? Может быть, то, что я пью вино, налитое в мой бокал из старой запыленной бутылки, и совершенно не чувствую вкуса. Сейчас мне кажется, что вечность остановила свои часы и мы оказались в межвременье. Это странное чувство.

Наверное, оно возникло оттого, что я никогда не бывала в подобной обстановке. И то платье, что сейчас на мне, и вся эта роскошь, что вокруг, и красавец, сидящий напротив, – не слишком ли много для простой среднестатистической московской девчонки?! За что?

– О чем ты думаешь? – спросила я, поднимая голову.

Он усмехнулся, и по его гладкому лицу словно скользнула тень.

Дис протянул руку и коснулся моих пальцев. От его прикосновения я вздрогнула, словно от удара молнии. Огонь и лед. Все вместе – так, что сердце то замерзает в груди, то начинает колотиться, словно ненормальное, пытаюсь наверстать пропущенное число ударов.

– Ты останешься со мной, – сказал он, встал и, обойдя длинный стол, приблизился ко мне.

Я тоже медленно поднялась со своего места. Теперь мы стояли друг напротив друга, будто враги. Дис смотрел мне в глаза, и я чувствовала, что не могу сдвинуться с места, словно под взглядом Медузы горгоны, обращающей всякого осмелившегося встретиться с ней глазами в холодный камень. А потом Дис протянул руку, приподнял мой подбородок и медленно коснулся моих губ своими, запечатывая полученную надо мной власть.

Заметка № 5

Дьявольский круг

Я проснулась, чувствуя на себе тяжелый взгляд. Дис сидел, небрежно откинувшись на подушки, и, как и прежде, смотрел на меня так пристально, что я смутилась и натянула на себя покрывало, затканное золотистыми и багряными нитями.

Боже мой! Я впервые просыпаюсь не одна!

– Дай посмотреть на тебя, – сказал он, отводя покрывало.

– Но... – Я запнулась и покраснела. Пальцы, вцепившиеся в тонкую ткань, задрожали.

– Глупости! – Дис рассмеялся. – Смущает только безобразное. Ты красива, тебе нечего стесняться.

Я попыталась улыбнуться. Наверное, стоило предстать перед ним в лучшем свете – раскованной, уверенной и блистательной. Но, увы, я знала себя и знала, что я – не такая.

– Я научу тебя любить свое тело. Чтобы любить другого, ты должна прежде всего любить себя, – проговорил Дис задумчиво. – Скажи мне, почему ты себя не любишь?

Я сжалась, как всегда, когда от меня начинали требовать прямого ответа, а Дис вдруг улыбнулся.

– Многие люди преувеличивают собственное значение и оттого еще больше теряют в цене. Ты не такая. Тебе, напротив, стоит труда раскрыться. Я рад, что встретил именно тебя. Ты похожа на жемчужину на дне моря. Я смотрю на твою раковину и знаю, что внутри таится драгоценность.

С этими словами он коснулся моей щеки так легко и нежно, что у меня защемило сердце. Все-таки он был совершенно удивительным – и гордым, и ласковым одновременно. У меня в его присутствии сносило крышу.

Он был терпелив со мной. Я понимала это и была благодарна.

Прошло несколько прекрасных дней, в которые мы забыли обо всем мире и жили только друг для друга. По крайней мере мне казалось, что это так. Огромный дом и уютный парк, где можно было есть только что сорванные с ветки мандарины, стал для меня целым миром. Никогда еще мне не выпадало столько счастья. Я засыпала подле Диса и, просыпаясь, видела его рядом. А еще каждое утро на покрывале у моих ног лежала темно-бордовая роза, иногда еще усыпанная капельками росы. Эти розы росли в саду Диса, и они необычайно нравились мне мягкой бархатистостью лепестков и их удивительным, почти черным цветом. Пахли они тоже совершенно особенно. Я полюбила их, но вместе с тем они всегда говорили мне о печали.

А еще я стала просыпаться по ночам от глухого вороньего карканья, доносившегося со стороны сада. Я видела этого ворона. Он всегда сидел на одном из двух высоких кипарисов, похожий скорее на отлитую из вороненой стали фигуру, чем на живую птицу. Всякий раз, когда я выходила в сад, я чувствовала на себе холодный и пристальный взгляд птичьих глаз. Совершенно человеческий взгляд. Я понимала, что не нравлюсь ему, и мне становилось страшно. «Глупо, – успокаивала я себя. – Что за бред? Это же только птица. Она не умеет ни любить, ни ненавидеть». Эти мысли спасали лишь тогда, когда я находилась внутри дома. Но стоило забрести к колодцу, благоразумие отступало, без боя сдавая свои позиции неопределенному, а оттого еще более мучительному страху.

Это место, у двух кипарисов, между которых находился старинный колодец, казалось мне заколдованным. Даже самым ясным днем здесь лежала густая тень и было холоднее, чем в других уголках сада. Не знаю почему, но Дис любил это место, меня же здесь всегда пробирала дрожь.

Однажды, проснувшись, я не увидела рядом Диса.

Встав с кровати, я завернулась в покрывало и босая бросилась разыскивать его.

Дис был в саду. Он сидел на каменном срубе старого колодца, опустив голову, а на его плече пристроился тот самый мрачный ворон. Когда я подошла ближе, птица взглянула на меня и, тяжело взмахнув крыльями, взлетела и опустилась на верхушку кипариса. Абсолютно бесшумно! Не издав при этом ни единого звука, я даже не слышала шума ее крыльев.

Мне стало не по себе, тем не менее я подошла к Дису и села рядом, но он даже не пошевелился, словно не заметил меня.

Не знаю, сколько мы так просидели, но я совершенно ооченела.

– А, – произнес он, наконец обратив на меня внимание, – ты замерзла. Вернись в дом.

Я куталась в тонкое покрывало, поджимая под себя ноги, но все равно не хотела уходить.

– Что случилось? – я протянула руку и коснулась его щеки, но Дис вздрогнул так, словно я его ударила.

Ворон хрипло закаркал, и это звучало столь зловеще, что мурашки пробежали у меня по спине. Но сейчас мне было не до страха. Передо мной стоял более важный и страшный вопрос: что будет со мной и с Дисом?

– Дис! – снова позвала я. – Посмотри на меня! Нам же хорошо вместе! Слышишь?

В его зрачках промелькнула странная тень, и взгляд потеплел. Немного. Всего на градус, но теперь он хотя бы видел меня, смотрел на меня не через те волшебные льдинки, что всего секунду назад застилали его глаза.

И тут произошло странное. Ворон, бесшумно сорвавшись с ветки кипариса, спикировал на меня. Я едва успела закрыть лицо руками – его когти царапнули по моим пальцам. Проклятая птица и вправду метила в глаза. Я закричала и тут же почувствовала боль: в ход пошел мощный клюв.

– Sat!² – крикнул Дис и, схватив ворона за крыло, отшвырнул прочь.

На землю, кружась, медленно опустились два больших черных пера.

Птица опять закаркала. На этот раз мне послышалась в ее крике странная укоризна. Наверное, я действительно сошла с ума.

Я посмотрела на свою руку. По пальцам стекали два тонких ручейка крови – из раны, оставшейся от ударов клювом.

– Уйди. Неужели не ясно, тебе нельзя здесь находиться? – Дис повернулся ко мне, и я испугалась нечеловеческого спокойствия, написанного на его лице.

– Но... – не зная, что сказать, я трянула рукой, обрызгав землю капельками своей крови. Одна из них попала на черное перо, и я невольно залюбовалась: алое на черном... дьявольски красиво.

Дис не ответил. Он молча отвернулся и пошел прочь.

Я сжалась, почувствовав себя побитой собакой. «Возможно, у него свои заботы. Он и так посвятил тебе много времени. Разве кто-то обещал, что он будет возиться с тобой, точно с маленькой?!» – я пыталась убедить себя, но беспокойство и обида все сильнее завладевали мною.

Смешно, но я не знала о парне, с которым жила, почти ничего. Нет, я знала о нем очень многое – как он улыбается, как спит, что любит на завтрак, знала его привычные жесты и то, что он любит... Но вместе с тем самые обычные вещи – чем он занимается, кто его родители и что составляет его мир за пределами этой странной виллы – оставались для меня загадкой. Несколько раз я пыталась задавать вопросы, но Дис всегда уходил от ответа, когда

² Sat (лат.) – довольно, достаточно.

я настаивала, целовал меня, заставляя забыть обо всем. И тем не менее вопросы оставались. И этот ворон, и странное поведение Диса... Что, в конце концов, все это значит?

Рука уже почти не болела, но, ощупывая исклеванные пальцы, я с новой силой заливалась слезами.

До обеда я просидела в комнате в самом мрачном настроении. Задержав шторы, свернулась клубочком на кровати и жалела себя.

Дис появился часа в три. Словно не замечая моего состояния, он поцеловал меня в лоб и сказал, что на обед у нас мой любимый креветочный салат под домашним майонезом.

– У тебя какие-то проблемы? – спросила я, приподнявшись на локте. Мой голос звучал глухо, словно шелест осенней листвы.

– У меня? – В голосе Диса слышалось искреннее удивление. – Конечно, нет. Одевайся, стол уже накрыли.

Его невидимые и неслышные слуги, усердно выскребающие дом и накрывающие стол, словно для приема английской королевы, тоже, если честно, раздражали меня. У себя дома я привыкла есть запросто, иногда хватая куски прямо со сковородки. А тут – салфеточки, продетые в специальные колечки, разнокалиберные бокалы, вилочки, ножики... И все это, когда за столом нас только двое – Дис и я.

– Я тебе наскучила? – задала я следующий вопрос.

В полумраке я едва видела его лицо – скорее силуэт, похожий на совершенные профили с античных камей.

– Нет, конечно. Ты такая... живая.

Он стоял у кровати, в одном шаге от меня, но мне казалось, будто нас разделяют километры – океаны, в которых, покачиваясь, плывут сияющие айсберги, покрытые толстым слоем снега континенты, завьюженные города, пустые поля, где ветер лениво гоняет поземку...

И я вдруг ужасно разозлилась.

– Послушай, мне надоело, что ты выпендриваешься! – крикнула я, поднявшись на ноги – ругаться лежа совершенно неудобно, вы не замечали?.. – Мне надоела твоя напускная мрачность и многозначительность! Да, понимаю, деньги у тебя есть, но это еще не все! И это не повод корчить из себя... – я взглянула на Диса, застывшего с непрошибаемо-каменным выражением лица, – печального демона, духа изгнания!

– И все-таки ты – удивительная девушка! Видишь, я выбрал тебя не зря! – сказал он и вдруг расхохотался. – Что ты обо мне вообще знаешь?

– А все, что ты рассказывал! – парировала я, оскорбленная его смехом.

– И ты действительно хочешь узнать обо мне главное? – уточнил он, жадно глядя мне в лицо.

Мне показалось, что его глаза алчно сверкнули во тьме.

Признаться, мне вдруг стало как-то не по себе, но не отступать же, раз уж я завела этот разговор. Приходилось держать марку.

– Хочу! – И я зачем-то кивнула, подтверждая собственные слова.

– Ну что же, это твой выбор. Пойдем.

Заинтригованная, я последовала за ним, надеясь, что он не признается сейчас, скажем, в том, что является маньяком, специализирующимся на доверчивых безбашенных девицах.

Мы прошли несколько комнат, спустились вниз. И тут я поняла, куда мы идем. Конечно же, к его коллекции! И этот умник, пустив мне пыль в глаза, собирается признаваться в страсти к искусству.

– Не делай поспешных выводов! – Дис резко оглянулся и резанул меня взглядом колющих глаз.

Ну вот, опять несанкционированный доступ в мою бедную голову. Иногда мне кажется, он читает мои мысли так же легко, как я книги.

Я скрипнула зубами и смолчала. Подождем.

В залах, как всегда, царило такое бездонное спокойствие, что даже я почувствовала, что успокаиваюсь. Не нужно было кричать на Диса. Достаточно просто поговорить, и все прояснится. Кстати, ни разу не видела его сердитым. Все-таки мне повезло, у него даже не золотой, а бриллиантовый характер!

Один зал, другой... Так далеко я еще не заходила. Надо же, сколько здесь всего!..

Но вот Дис остановился у одного из портретов. Я подошла поближе. С темного холста на меня смотрели знакомые глаза...

– Не может быть! Это же твой двойник! – воскликнула я, разглядывая картину.

Дис молча покачал головой.

– Кто-то из твоих предков?

Опять отрицательный ответ.

– Ну тогда даже не знаю... Ты? Отличная стилизация! Так и веет стариной!

Тонкие губы Диса презрительно скривились.

– У меня нет стилизаций и подделок, – произнес он, четко выговаривая каждое слово. – Катя, ты ведь уже обо всем догадалась, просто не хочешь признаваться самой себе.

– Глупости! Ни о чем я не догадалась!

Мне хотелось закрыть глаза, а заодно заткнуть уши, чтобы действительно не услышать того, что навсегда изменит наши отношения.

– Эта картина кисти Леонардо да Винчи, и это мой портрет.

Отчего-то я сразу же поверила ему, но еще попыталась выдавить из себя жалкую улыбку:

– Ты, конечно же, шутишь.

– Не шучу.

Мы замолчали. Здесь, под землей, было тихо. Ни единого звука. Я почти не верила, что где-то идет шумная городская жизнь.

– И... кто же ты тогда? Помнишь, я уже спрашивала, не вампир ли ты?

– При чем здесь вампир? – искренне удивился Дис. – Вампиры – мелкая нежить, я принадлежу к существам более древним и могущественным. Некогда нас называли богами, затем демонами, затем – позабыли...

«Ну вот, приплыли! – мелькнула в голове мысль. – Вот почему он рассказывал о Микеланджело, и о Цезаре, и о Нероне так, словно знал их лично!.. Он просто рехнулся на почве собирания своей коллекции!»

– Катя! – он взял меня за руку, и я опять обратила внимание, что пальцы его и холодные, и обжигающие одновременно. – Не беги от себя же! Ты же знаешь, что я – не сумасшедший. Вспомни, ты сама позвала меня, стоя там, у моей статуи на мосту!

Я почувствовала себя так, словно меня ударили в грудь. Стало больно, и в легких неожиданно закончился воздух. Отняв у него руку, я зажала уши и затрясла головой, словно это что-то отменяло.

– Нет! Это не так!

– Так. Ты знаешь.

Этот проклятый ворон! Я так и чувствовала, что все как-то связано с ним!

Мысли путались, и я никак не могла ухватить их обрывки.

– А тот ворон в саду... – медленно начала я, – кто он?

Дис кивнул:

– Ты задаешь правильные вопросы и видишь главное. Он – это тоже я. Вернее сказать, часть меня, более архаичная часть.

– Но получается, что ты напал на меня. Почему?

Раз уж я стала наконец-то задавать вопросы, нужно было идти до конца.

– Это трудно объяснить, – Дис нахмурился. – Считай это небольшим конфликтом между новым и старым.

Небольшим? Ну что же... Странно, что этот конфликт вообще возник.

– А зачем тебе я?

И Дис на миг отвел взгляд.

– Сначала я думал, что ты послужишь... ммм... источником моих сил, мне нужна живая вера и любовь, они питают меня, как людей пища, которую те поглощают... Но потом, узнав тебя лучше, решил оставить тебя рядом. Я устал быть один. Ты останешься здесь, со мной.

Он опять смотрел мне в глаза и серьезно излагал свой замечательный план. Или следует сказать «свое божественное решение»?.. Ну правильно, боги привыкли изрекать, а людям надлежит слушаться и повиноваться.

– Слушаю и повинуюсь, мой господин! – я приложила руку к груди и отвесила глубокий поклон, подсмотренный в какой-то сказке про джиннов.

– Разве ты не хочешь остаться со мной? – Одна из безупречных бровей удивленно приподнялась, прочертив на мраморно-гладком лбу легкую морщинку. Все-таки он удивительно красив. Ему идет все. Даже надменность.

– Нет.

Я плотнее завернулась в покрывало, воздвигая между нами еще одну из бесчисленных преград.

– Но почему? – Кажется, Дис действительно не понимал. – Здесь есть все, и ты любишь меня.

Я вдохнула, собираясь с силами.

– Я хочу уйти.

Мой голос прозвучал слишком тонко и жалко. В этот момент я не знала, чего хотела больше: чтобы он отпустил меня или чтобы сбросил этот ледяной панцирь и прижал к себе просто, по-человечески... надо же, какая горькая ирония звучит в этом слове!..

Дис читал мои мысли, но отчего-то покачал головой.

– Нет, – сказал он, – если я сделаю так, ты все равно в глубине души останешься недовольна. Я хочу, чтобы ты сама приняла решение. Я не спешу, у меня еще очень много времени, я умею ждать. Хочешь – уходи. Но знай, ты никогда не встретишь никого, с кем тебе будет так же хорошо, как со мной. После меня люди покажутся тебе простыми и пресными. Иди и, если надумаешь вернуться, звони.

С этими словами Дис протянул мне руку, на его ладони лежал неизвестно откуда взявшийся маленький потемневший от времени... колокольчик.

Я не ответила, отвернулась и пошла прочь.

* * *

Мне не требовалось собирать вещи – здесь не было ничего моего. Просто отыскать и надеть собственные джинсы и куртку, всунуть ноги в поношенные ботинки и выйти за дверь.

Произошедшее до сих пор не укладывалось в голову. Но страшнее мысли, что Дис – не человек, была та, что он не остановил меня. Даже не попытался. Наверное, все так и должно быть. Кто он и кто я? Разница слишком заметна.

На улице ждал все тот же автомобиль, который привез нас сюда. Молчаливый водитель, похожий на нахохлившегося ворона (ненавижу эту птицу!!!), отвез меня к гостинице, не произнеся ни слова, не задав ни одного вопроса.

Я вышла из машины и только тут впервые подумала о том, сколько же дней прошло с тех пор, как я, забыв обо всем, уехала с Дисом. Судорожно принялась считать. Пять? Семь? Восемь? Дни, проведенные на вилле, свились в один клубок. Я не думала о времени, забыла и о подругах, и о визе. При наихудшем раскладе Светка с Наташкой уже вернулись в Москву, а мои вещи отправили в полицию вместе с заявлением о моем исчезновении... или как здесь делается в подобных случаях?..

Положеньеице не из приятных. Однако не оставалось ничего другого – только войти внутрь и попытаться объясниться на ресепшен. Вдохнув, я вошла в холл и тут же увидела, как из открывшихся дверей лифта появились подруги.

– Катя! Ну вот, я же говорила, что никуда она не денется! – Наташка радостно оглянулась на Светку и тут же снова обернулась ко мне. – Не обижайся на нас. Мы хотели как лучше...

И оказались правы. Горько осознавать собственную неправоту.

Я отвела глаза, уставившись в мозаичный пол, украшенный стилизованными изображениями виноградных листьев. Грубая работа. Вот на вилле у Диса... Нет, не надо об этом думать. О чем угодно, лишь бы не об этом!

– Все хорошо. Это вы меня простите, – пробормотала я, по-прежнему не решаясь смотреть на подруг.

– Катя, извини! – Светка шагнула ко мне и крепко обняла за плечи.

А через секунду к нам присоединилась Наташка.

Так мы и стояли, обнявшись втроем, посреди холла. Хорошо, что мы не в чопорной Англии, а в Италии, где людям свойственна эмоциональность, поэтому на нас даже не пялились.

– Пойдем пока поднимемся в номер, – сказала Света, осторожно высвобождаясь из объятий.

Мы вошли в лифт, и Светка, глядя в огромное зеркало, принялась поправлять растрепавшуюся прическу.

– Ну, рассказывай, почему так быстро вернулась, – сказала она, заправив за ухо непослушную прядь.

– Быстро?! – переспросила я, искренне не понимая.

– А разве нет? Прошло немногим больше часа.

Пол под моими ногами ощутимо покачнулся... или это просто остановилась на нашем этаже кабина лифта?

– То есть как? С какого момента? – Я посмотрела на Наташку: вдруг Светка шутит? Иногда она умела шутить так, что ни за что не поймешь: смеется или говорит серьезно. А вот Наташка – простая душа, вся нараспашку.

Наташка захлопала густо подведенными глазами.

– Как это с какого момента? – переспросила она. – Ну, с того, как ты закричала: «Вы мне чужие!» – и убежала.

– Вы шутите! – не выдержала я. – Какое сегодня число?

– Посмотри на мобильнике, если нам не веришь, – посоветовала Света, открывая дверь номера.

Мой мобильник, о котором я тоже забыла на все это время, лежал в кармане куртки. Я вытащила его и посмотрела на темный экран. Не работает. Закончился заряд? Когда же я его подзаряджала в последний раз? Кажется, в Москве.

Мои вещи лежали на тех же местах, где я их оставила. Отыскав зарядное устройство, я воткнула его в розетку и включила телефон. Двадцать четвертое января.

Прощай, крыша. Видимо, я окончательно рехнулась. Выходит, всех дней, которые я провела на вилле Диса, просто-напросто не было. Может, и самого Диса? Вот забавно! Я

взглянула на свои пальцы – ранки от клюва и когтей ворона на месте. Если это и сумасшествие, то очень последовательное и правдоподобное.

Я опустилась на кровать. Видимо, у меня было такое лицо, что подруги смотрели на меня во все глаза.

– Кать, все в порядке? – осторожно спросила Наташка, протягивая мне бутылку минералки.

Я отхлебнула воды и, собравшись с мыслями, решила задать волнующий вопрос:

– А скажите, вы видели меня с красивым парнем?..

– Где? – деловито уточнила Светка и, придвинув к кровати стул, села напротив меня, приготовившись слушать – словно добрый доктор-психиатр больного.

– Ну... вообще, – я неопределенно повела рукой.

Светка с Наташкой опять переглянулись. Похоже, они начинали всерьез сомневаться в моем душевном здоровье. И я их прекрасно понимала.

– С Дисом? – уточнила Светка. – Вообще видели. Мы думали, ты ушла с ним.

Я перевела дух, сама не понимая, что испытываю: разочарование или облегчение. Что лучше: совсем свихнуться или встречаться с демоном, позировавшим Леонардо да Винчи, управляющим банкоматами и имеющим особые отношения со временем. Так сразу и не скажешь.

Изначально я не хотела рассказывать подругам о том, что произошло, но они, разумеется, не отстали, пока не вытащили из меня всю информацию подчистую.

– И тогда он сказал: «Передумаешь – звони» – и протянул мне колокольчик, а я не взяла, отвернулась и уехала, – закончила я рассказ.

Слушательницы сидели, затаив дыхание.

– Вот это да! Здорово! – выпалила вдруг Наташка и, вскочив, в возбуждении зашагала по узкой комнате. – Знаешь, мне очень понравилось! И про коллекцию утраченных шедевров, и про банкомат, и особенно этот парадокс со временем. Отлично!

Света посмотрела на меня скептически.

– Не думала, что фэнтези – это твой жанр, – проговорила она и отвернулась. – Но почему бы нет? Запиши, тут материала побольше, чем на миниатюру.

– Да тут целый роман написать можно! Добавь приключений, деталей. А может, там будут другие, враждебные демоны. Они захотят тебя похитить, а он... – Наташкины глаза горели фанатичным огнем творчества. Это была как раз ее тема, в которой наша будущая Стефани чувствовала себя точно рыба в воде.

От отчаяния у меня опустились руки. Ну конечно, кто мне поверит, если не поверили даже лучшие подруги. В подсознании крутилось нечто важное, и я нахмурилась, пытаюсь понять, что же это.

– Ладно, не хочешь рассказывать – не рассказывай. Потом как-нибудь, – примирительно предложила Света.

– Погоди, – я вдруг осознала, что меня тревожит. – Помнишь, мы видели в холле мужчину. Кажется, итальянца. Он еще испугался Диса. Вы ведь подошли к нему потом, не так ли?

В комнате повисла тишина.

– Да, мы с ним говорили, – произнесла Наташка после длительной паузы. – Он изъяснялся по-английски и сказал что-то вроде того, что нам нужно остерегаться. Я не очень поняла. Он говорил что-то про Диса и про смерть. А еще про то, что его сестра погибла из-за Диса, а может быть, то, что Дис погубил его сестру.

– Мы сами видели, что с этим Дисом что-то не так, и очень испугались за тебя, – продолжила Светка.

И правда, все сходится. Мне вспомнился колодец между двумя кипарисами и хриплое карканье зловещего ворона. Тут есть чего испугаться.

– Спасибо, – выдавила из себя я. – Вы оказались правы, я нет, и давайте больше не будем об этом. Хорошо?

Подруги кивнули. Мы снова замолчали.

– Может быть, не стоит сидеть в четырех стенах, раз вокруг весна и Рим? Пойдем прогуляемся? – предложила Наташка, и обе тут же с ожиданием уставились на меня.

Мне не хотелось выходить из номера, но, с другой стороны, оставаться здесь в одиночестве я боялась еще больше. Кто знает, что еще со мной произойдет. Так что лучше не выпускать подруг из вида и самой все время держаться у них на глазах. Чтобы меня не похитили враждебные демоны или я опять не выпала из привычного течения времени.

Я встала и совершенно машинально засунула руки в карманы куртки. Из правого я извлекла мобильник, и теперь карман был пустой, а вот в левом было что-то странное. То, что я не могла определить на ощупь.

Вытащив наружу подозрительный предмет, я едва удержала крик: на ладони лежал небольшой колокольчик, сделанный из темного с коричневатым отливом металла. Очень старый, если судить по виду. Чеканка на нем полустерлась, однако до сих пор можно было разглядеть его главное украшение – изображение женской головы, вокруг которой вместо волос извивались змеи. Медуза горгона. Вот и привет от Диса... Мамачки, кажется, все еще запущеннее, чем я могла предположить.

– Ну и что это? – спросила Света сухо, глядя на колокольчик, который я растерянно вертела в руках.

– Ой, девочки! Это же тот самый, который дал Дис? Правда, Катя? – Наташке отчаянно хотелось мне поверить – она всегда любила сказки.

– Но ты же сама сказала, что не взяла колокольчик. Откуда он? – продолжала допрос Светка. Ей бы пойти в следователи. Какое дарование пропадает!

– Не знаю. Наверняка магия, – предположила я, смирившись с тем, что обречена на непонимание.

Так и случилось. Даже Наташка приуныла – моя история оказалась слишком волшебной даже для нее.

Мы пошли гулять по городу, однако боюсь, что обращала мало внимания на красоты старого Рима. Дело в том, что мне все казалось, что я постоянно чувствую на себе взгляд Диса. Мне чудилось, будто он зовет меня. А вечером вместо воспоминаний о городе я села записывать нашу с Дисом историю.

Так прошло несколько дней. В наш прощальный вечер в городе я каждую минуту ждала, что Дис появится и просто коснется моего плеча, зовя меня за собой. И я бы пошла за ним. Но он не появлялся. О, сколько ночей я доставала заветный колокольчик и, положив его перед собой на подушку, смотрела на него в скудном лунном свете, пробивающемся сквозь щели в жалюзи гостиничного номера.

Протянуть руку и позвонить – это было так просто и так сложно. Нереально сложно.

Заметка № 6

В песне метели

Москва встретила нас неласково. Ледяной ветер кидал в лицо горсти колючего снега, забирался под куртку, норовя проморозить до самых костей, до самого сердца.

Папа, ожидавший меня на вокзале, закинул мою сумку в багажник нашего уже далеко не нового «матизика».

– Что такая невеселая? В Италии лучше было? – спросил он, выезжая с забитой машинами стоянки.

– Угу, – буркнула я, подумав, что надо бы держать себя в руках. Не рассказывать же родителям историю с Дисом. Разве они поверят, если не поверили даже подруги?

И я держалась из последних сил. Ела приготовленные к моему приезду деликатесы, на этот раз показавшиеся мне совершенно лишенными вкуса, даже любимая долма, которую мама делала собственноручно. Рассказывала о красотах Италии. Вручала подарки, в последний момент приобретенные мною в дьюти-фри по наводке доброй Светы. В общем, по мере возможности изображала, что ничего такого не произошло. Обычная развлекательная поездка. Подумаешь, какие пустяки.

– Что у тебя с рукой? – спросила мама, заметив на моих пальцах подживающие ранки.

– Ничего, – отозвалась я, поспешно пряча руку, – прищемила дверью. Уже почти прошло.

– Помажь «Спасателем», – порекомендовала она, теряя интерес к этой теме.

Я опять солгала. Мне приходится лгать все больше и больше. Наверное, скоро я к этому привыкну.

Вечером позвонил Саша.

– Привет! Вернулась? – уточнил он, как будто я могла остаться в Риме и, несмотря на это, ответить на его звонок на мой домашний московский номер. – Ну как поездка?

– Отлично, – устало произнесла я и заученно продолжила: – Италия великолепна, погода солнечная, апельсины растут.

– Ух ты! Неужели прямо на улицах? И ты пробовала?

Апельсины я ела в саду у Диса. И совсем необязательно напоминать мне об этом.

Я понимала, что Сашка не нарочно, но все равно чувствовала досаду и злость. Злилась я почему-то именно на него.

– Ты чего? Я тебя чем-то обидел? – спросил Сашка, мгновенно уловивший перепад моего настроения. – А я ведь тебя давно не видел. Хотел завтра в гости напроситься. Можно?

Мне стало стыдно. Сашка и вправду ни в чем не виноват. Это мне вздумалось срывать на нем свою злость и разочарование.

– Конечно, приезжай, – ответила я, сообразив, что не приобрела для Сашки никакого, даже самого завалящего сувенира просто потому, что напрочь забыла о самом его существовании.

Мы договорились о встрече, я повесила трубку и достала из кармана маленький колокольчик. Надо было давно его выбросить, но я все не могла... все оттягивала этот момент...

На следующий день Саша пришел точно вовремя. Он вообще отличался предельной пунктуальностью.

– С приездом! – он чмокнул меня в щеку и протянул красиво упакованный подарок.

Надо же, что-то новенькое. Раньше подарки он дарил лишь по праздникам. Неужели соскучился?

Я развернула шуршащую бумагу. Духи. «5th Avenue» – прочитала я на коробочке. Точно такими же пользуется иногда моя мама. Наверняка Саше порекомендовала их продавщица как универсальное средство понравиться девушке. Так вот, в моем случае это не сработало. Ну ничего, отдам маме, она будет рада.

Выдавив из себя радостно-вежливую улыбку и фразу: «Ну зачем же ты купил такой дорогой подарок!», я вручила собственный презент, найденный мною утром в магазине: бутылку кьянти, которая вполне могла быть привезена мною из Италии.

– Здорово! Не против выпить со мной по бокалу? – Саша лучился счастьем и, похоже, действительно очень радовался моей компании.

Я чувствовала себя скверно. Тяжело, когда тебя не любят, но не менее трудно общаться с человеком, которого не любишь ты. А к Сашке у меня не было даже самого маленького чувства. Причем никогда. Я поняла это с такой ошеломляющей ясностью, что замерла. И как я могла обманывать себя столько времени, волоча этот вялотекущий, тягостный для нас обоих роман! Я – мастер короткого жанра!

Тем временем Саша уже прошел в мою комнату, а я, вздохнув, отправилась на кухню за бокалами. Не выставлять же человека вот так сразу. Жаль, правда, родителей дома нет. В их присутствии мне было бы спокойнее.

Отыскав в шкафу два бокала на высоких изящных ножках, я вошла в комнату и едва не выронила свою ношу: Саша держал в руках колокольчик Диса и сейчас внимательно его разглядывал!

– Откуда это у тебя? – спросил Сашка, уставившись на меня взглядом инквизитора, заполучившего в лапы опасную ведьму.

– Из Италии. Сувенир, – соврала я. Спина покрылась гусиной кожей. Мне было очень неприятно то, что чужие руки прикасаются к колокольчику. Так неприятно, что я едва сдерживалась. – Положи, пожалуйста, на место.

– Нет, это не сувенир! – Сашка покачал головой. – Эта вещь обладает очень сильной аурой. Аурой зла, если тебе интересно.

Вот это новости! Никогда не знала, что Сашка интересуется паранормальным. Он, конечно, частенько таскал меня на всякие фильмы жанра фэнтези, а «Ван Хельсинга» и «Блейда» смотрел, наверное, раз по сто, но чтобы до такой степени... И главное, ведь попал в точку!..

– Глупости! Ты придумываешь! – я старалась говорить небрежно, но чем-то выдала себя.

Сашка, не выпуская из рук колокольчика, покачал головой.

– Нет, это ты лжешь. А значит, ты его сообщница.

– Чья?! – я еще пыталась играть, однако чувствовала, что щеки у меня просто пылают.

– А вот это ты мне должна рассказать сама, – Сашка положил колокольчик на стол и вытер руки, словно прикасался к чему-то нечистому. – Ты, наверное, не понимаешь, во что ввязалась. Поверь мне, это очень и очень опасно.

Он сел на кровать, всем видом демонстрируя готовность слушать.

И я сдалась.

Судя по всему, Сашка – единственный человек, который не отнесется к моей истории как к сказке. Возможно, он действительно что-то знает и поможет мне хотя бы разобраться во всем...

Слова полились из меня водопадом.

Сашка слушал. Молча, сосредоточенно и внимательно. Иногда он перебивал меня, чтобы задать уточняющий вопрос, пытаясь добиться самых мелких и незначительных, на мой взгляд, деталей.

Забытая бутылка кьянти и бокалы стояли на столе.

– И что, ты мне веришь? – спросила я, когда рассказ был закончен.

– Верю... – Сашка задумался. – И повторюсь: ты ходишь по краю бездны. К сожалению, я не могу пока сказать, с кем именно тебе довелось встретиться, но обещаю, что узнаю в самое ближайшее время.

– Слушай, да кто ты такой?

Примерно так я спрашивала и Дису, прежде чем получить от него ошеломляющий ответ. Сашка тоже не разочаровал.

– Я тот, кто охотится на таких тварей! – произнес он немного театрально, словно герой анимэ, толкающий речь о справедливости и возмездии, которые он несет во имя чего-нибудь эпического. – Начинаящий охотник, – пояснил он неохотно, наткнувшись на мой недоверчивый взгляд. – Но это ничего, верь мне, и я сумею тебя защитить.

К вину мы, конечно, так и не притронулись.

* * *

Саша позвонил мне этим же вечером. Увидев его номер на определителе, я не хотела брать трубку, словно последняя трусиха.

– Катя! Телефон! Ты что, весь дом перебудить хочешь? – укоризненно спросила мама, выглянув из спальни.

Пришлось ответить.

– Катя! Я уже начал беспокоиться! – взволнованно заговорил в трубку Сашка. – С тобой все в порядке?

– Конечно, – вяло ответила я. И почему с самого расставания с Дисом я живу словно в полусне? Он будто отравил меня странным ядом, который, сковав сердце, заставляет меня цепенеть. Я оказалась словно за стеклом, отделившим меня от всего мира, и теперь наблюдаю за жизнью отстраненно, словно скучающий посетитель музея, лениво прогуливающийся по залам и, зевая, поглядывающий на выставленные экспонаты.

– Ну слава богу! Я кое-что узнал. Нам нужно будет встретиться завтра.

И я согласилась.

Каникулы закончились, начался период лекций. После занятий подруги попытались позвать меня в кафе. Они вообще с достойным лучшим применением усердием тормозили меня, стараясь расшевелить. Особенно усердствовала Наташка, и когда ее усилия терпели фиаско, она так искренне недоумевала и обижалась, что мне становилось ее жаль.

– Не могу, – в очередной раз оправдывалась я. На этот раз у меня был даже уважительный повод. – Договорилась встретиться с Сашкой.

Наташка и Светка переглянулись.

– Так ты с ним еще встречаешься? – переспросила Светка.

– Ну тогда все не так уж плохо, а то мы за тебя уже переживать начали! – обрадовалась непосредственная Наташка.

Я пробурчала в ответ что-то неразборчиво-неопределенное.

Очень жаль, что та самая стена закрыла от меня и подруг. Раньше мы были по-настоящему близки и откровенны друг с другом. Ну вот, я опять употребила это слово «раньше». Такое ощущение, что жизнь моя разделилась на две половины: до встречи с Дисом и после. И случайно ли, что самое простое и светлое осталось там, в прошлом, а сейчас со мною лишь горечь да грусть.

Но Дис... Я вспомнила, как он прикасался к моей щеке, как смотрел на меня, как улыбался... Уже тогда я чувствовала в его улыбке полынный вкус горечи... Ну конечно, он всегда знал, что отношения между нами невозможны. Они были обречены с самого начала, что

уж тут говорить. Но почему опять взволнованно стучит сердце?.. Забыть. Просто забыть. Не думать.

И вот я уже в кафе. Сашка ждет меня за дальним столиком у стенки. Перед ним – бокал горячего шоколада и пирожное.

– Садись. Что тебе заказать? – спросил Сашка, вытирая губы, испачканные шоколадом. Мне стало неприятно, и я отвела взгляд.

– Нет, ничего.

– Кать... – он помолчал, – мне все кажется, что ты на меня отчего-то обижена. Я что-то делаю не так?

– Нет, все так. Извини, у меня плохое настроение. Ты позвал меня, чтобы что-то рассказать...

Я сидела за столом, точно примерная девочка, сложив на коленях руки.

А в последний раз я ходила в кафе с Дисом...

– Да, – Сашка отставил бокал и сделался очень серьезным. – Я нашел кое-что о нем. Во-первых, имя. Мне сразу оно показалось знакомым, и не случайно. Дис – это одно из имен римского бога мертвых, а еще это поэтическое имя, которое поэт Данте дал Сатане. Это раз. Затем ты рассказывала мне, что статуя стояла на мосту. Это очень показательно. Мосты и перекрестки – это всегда место, где соединяются два мира: наш и другой, потусторонний. Об этом говорят мистические традиции многих народов – и на Западе, и на Востоке. Это два. Случай с банкоматом тоже свидетельствует о причастности к темному подземному миру – подземный мир и богатство всегда связаны. И его коллекция – мертвые вещи в застывшем времени. Все сходится!

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.